

СЕДЬМИНЫ ДАНИЛОВЫ.

Изъясняя пророчество о седминахъ по порядку, переходимъ къ истолкованію двухъ послѣднихъ изреченій этого пророчества, особенно важныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ особенно трудныхъ для перевода и пониманія: изреченія о мерзости заустѣнія (или опустошителя) и изреченія о предопредѣленной и окончательной гибели опустошающаго (или опустошеннаго).

Для насъ особенную важность имѣетъ первое изъ этихъ изреченій, и потому мы обратимъ на него преимущественное вниманіе.

Въ нашемъ русскомъ Синодскомъ переводѣ Библии это изреченіе передано слѣдующимъ образомъ: *И на крыль святилица будетъ мерзость заустѣнія*. Этотъ переводъ согласенъ со многими древними и новыми авторитетными переводами этого мѣста; но, подобно имъ, онъ не буквалецъ. Въ еврейскомъ текстѣ мысль выражена короче и нѣсколько иначе, въ слѣдующихъ словахъ: $\text{וְעַל כַּנְפֵי הַקֹּדֶשׁ יִשְׁכְּנוּ מִרְצוֹתַי}$ (*ве аль кенафъ шиккуцимъ мешомемъ*). *Ве аль кенафъ* значить: *и на крыль*; *шиккуцимъ* — *мерзости*; *мешомемъ* — *опустошающій*. Повидимому, перевести это изреченіе легко. Тѣмъ не менѣе и буквальные и небуквальные переводы этого изреченія до крайности различны.

Такъ, при буквальныхъ переводахъ, одни выраженіе: *ве аль кенафъ*, переводятъ: *и на крыль*, другіе — *и на крылахъ*, третьи — *при крылахъ* (при крылѣ), четвертые — *подъ крыломъ*, пятые — *и на крылатой*, при чемъ разумѣется птица, именно орелъ. Слово *шиккуцимъ* одни переводятъ словомъ *мерзости*, а другіе — родительнымъ падежемъ того же имени, поставляя его въ зависимость отъ

ве аль кенафъ, т. е., одни переводятъ: *и на крыль мерзости*, а другіе—*и на крыль мерзостей*. Слово *мешомъ* одни переводятъ родительнымъ падежемъ, поставляя его въ зависимость отъ слова *шиккуцимъ*, другіе—именительнымъ падежемъ. Одни переводятъ его словомъ *запустыніе*, другіе полагаютъ, что его можно переводить и словомъ *запустыніе* и словомъ *опустошающій*, или *опустошитель*, третьи утверждаютъ, что его должно переводить исключительно словомъ *опустошающій*, *опустошитель*, иные переводятъ его словомъ *ужасная* и т. д.

Всѣ эти различія есть и въ небуквальныхъ переводахъ. Но, кромѣ того, въ нихъ есть еще другія различія, вноси́мая отступленіемъ отъ буквы текста. Почти всѣ эти различія относятся къ выраженію: *ве аль кенафъ*. Такъ, одни переводятъ его: *и на краю*, другіе—*и наверху*, третьи—*и наверху храма, на маковкѣ*, или *на конькѣ* (высочайшій пунктъ зданія) *храма, на кровль храма*, иные—*на крыль храма*, опять иные — *на храмъ*. Нѣкоторые слово храмъ замѣняютъ словомъ *святѣлище*.

Въ еврейскомъ текстѣ разсматриваемаго изреченія никакого глагола не поставлено. Не ставится онъ и въ буквальныхъ переводахъ. Но онъ, конечно, есть, и въ подлинникѣ подразумѣвается, а въ переводахъ небуквальныхъ прямо ставится. Но какой именно глаголь нужно подразумѣвать? Переводчики и въ этомъ не сходятся между собою. Одни изъ нихъ ставятъ глаголь *будетъ*, другіе—*явится* или *придетъ*, третьи—*станетъ*, четвертые—*ступитъ*, пятые—*ляжетъ*.

Мы перечислили только важнѣйшія различія въ переводахъ разсматриваемаго изреченія; не упоминаемъ о менѣе значительныхъ особенностяхъ разныхъ переводовъ.

Разнообразіе переводовъ, конечно, происходитъ отъ трудностей, которыя представляетъ переводимое изреченіе. Трудности въ настоящемъ случаѣ двоякаго рода: однѣ заключаются въ самомъ слововыраженіи изреченія, другія въ содержаніи или въ мысли его.

Трудности перваго рода, филологическія, въ томъ, что въ изреченіи глаголь не поставленъ, и не извѣстно, какой глаголь подразумѣвается въ немъ; что грамматическое отношеніе между словами не опредѣлено съ твердостью и

точностию и разными переводчиками и толкователями понимается различно; что каждое из трех словъ изреченія имѣеть много различныхъ значеній.

Къ филологическимъ трудностямъ присоединяются еще большія трудности, заключающіяся въ таинственности смысла этого изреченія. Нельзя перевести ни одной фразы съ какого бы то ни было языка, не уяснивши предварительно ея смысла. Хотя бы переводъ грамматически и лексически былъ букваленъ и точенъ и вообще удовлетворялъ бы существеннымъ требованіямъ какъ того языка, на которомъ фраза написана, такъ и того, на который она переводится, но если переводчикъ не понимаетъ смысла ея, или понимаетъ его смутно, или не увѣренъ въ томъ, что онъ понимаетъ его точно и полно; то нельзя ручаться ни за точность, ни даже за правильность перевода. Въ этомъ случаѣ въ буквальномъ переводѣ, помимо недостатковъ, наиболѣе ему свойственныхъ и особенно часто встрѣчающихся, можетъ не оказаться и того важнаго достоинства, къ достиженію котораго переводчики-буквалисты напрягаютъ свои усилія: полного соответствія перевода подлиннику, точности. Можетъ случиться, что буквальный переводъ будетъ выражать совсѣмъ не ту мысль, какая высказана въ подлинникѣ, или въ немъ не будетъ выражено никакой опредѣленной мысли. Все это вполне примѣнимо къ изясняемому нами изреченію. Прежде всего, буквальныхъ переводовъ этого изреченія существуетъ нѣсколько; они значительно отличаются одинъ отъ другаго, и не легко сказать, какой изъ нихъ есть самый вѣрный въ отношеніи къ буквѣ текста. Затѣмъ, смыслъ каждаго изъ буквальныхъ переводовъ этого реченія самъ по себѣ не ясенъ, не понятенъ. Кому ни скажете изреченія: *и на крыль мерзостей опустошающій*, или: *и на крыль мерзость опустошающаго*, или замѣните въ этихъ изреченіяхъ слово *опустошающій* словомъ *запустыніе*, всякій спроситъ: о чемъ тутъ рѣчь? какой смыслъ содержитсяъ въ этихъ словахъ? Безъ сомнѣнія, этотъ вопросъ задастъ себѣ и каждый переводчикъ этого изреченія и, прежде чѣмъ перевести послѣднее, такъ или иначе рѣшаетъ этотъ вопросъ. Такимъ образомъ истолкованіе этого изреченія предшествуетъ его переводу и оказываетъ вліяніе на самый переводъ. Безъ

сомнѣнія, знающій и опытный толкователь Писанія можетъ оказывать существенную помощь переводчику Писанія, особливо при переводѣ изреченій трудныхъ для перевода. Таково именно и есть разсматриваемое нами изреченіе. Но, къ сожалѣнію, въ настоящемъ случаѣ толкователь самъ находится еще въ бѣдѣ затрудиленіи, чѣмъ переводчикъ. Какой настоящей и полный смыслъ этого таинственнаго и темнаго пророчества, этого въ точности и съ твердостью никто не знаетъ. Изяснить это изреченіе гораздо труднѣе, нежели перевести его. Можно только болѣе или менѣе приближаться къ пониманію истиннаго смысла его, не имѣя притомъ увѣренности, какое изясненіе лучше, какое хуже. Понятно, что различныхъ толкованій этого изреченія еще больше, чѣмъ различныхъ переводовъ его. Каждому изъ трехъ словъ изреченія дается то одно изъ собственныхъ, то одно изъ переносныхъ значеній, и такимъ образомъ получается чрезвычайное разнообразіе толкованій. При толкованіи принимаются въ соображеніе контекстъ рѣчи, параллельныя библейскія изреченія, общее догматическое ученіе Церкви, исповѣданія, секты и вообще того религіознаго общества, къ которому принадлежитъ толкователь; большое вліяніе на характеръ и способъ толкованія оказываютъ также личныя религіозныя убѣжденія и общіе взгляды толкователей на книгу Даніила, на пророчество послѣдняго о седмицахъ и на тѣ историческія событія, совершившіяся и имѣющія совершиться, которыхъ касается пророчество о седмицахъ; наконецъ, остроуміе и оригинальность воззрѣній толкователей тоже не остаются безъ вліянія на характеръ и способъ изясненія изреченія. А различія въ толкованіяхъ вносятъ различія и въ переводы изреченія. Подъ вліяніемъ толкованій являются переводы, болѣе или менѣе отступающіе отъ буквы и допускающіе слова и выраженія, которымъ въ подлинникѣ нѣтъ соотвѣтствія, но которыя требуются мыслію, влагаемою переводчикомъ въ изреченіе. Такіе небуквальныя переводы, сдѣланные подъ вліяніемъ толкованія, являются съ древнѣйшихъ временъ; появлялись они и послѣ и продолжаютъ выходить и до настоящаго времени. Изъ авторитетныхъ древнѣйшихъ переводовъ изясняемое изреченіе переведено не буквально у Семидесяти и въ Вульгатѣ. Въ этихъ, какъ

и во многихъ иныхъ, переводахъ самое важное отступленіе отъ буквы текста въ томъ, что слово *крыло* замѣняется словами *храмъ* или *святилище*, или же къ слову *крыло* присоединяется какое-либо одно изъ этихъ словъ, при чемъ вмѣстѣ оба эти слова: *крыло* и *храмъ*, или *крыло* и *святилище*, выражаютъ одно понятіе—или цѣлаго храма, или части его.

Такъ какъ переводъ Семидесяти пользуется высокимъ церковнымъ, а отчасти и научнымъ авторитетомъ въ Церкви Православной, а Вульгатъ въ церкви Латинской придастся одинаковое значеніе съ еврейскимъ текстомъ Ветхаго Заваѣта, то естественно, что оба эти перевода оказывали и доселѣ оказываютъ огромное вліяніе на тѣхъ переводчиковъ и толкователей, которые состоятъ сынами Православной, или Латинской Церкви. Такъ какъ, далѣе, переводъ Семидесяти есть древнѣйшій изъ всѣхъ переводовъ Священнаго Писанія Ветхаго Заваѣта, сдѣланъ этотъ переводъ съ рукописей подлиннаго текста, написанныхъ за нѣсколько или даже и за много вѣковъ до Рождества Христова, сдѣланъ тогда, когда Евреи жили еще въ своемъ отечествѣ, хорошо знали языкъ, на которомъ были написаны ихъ Священные книги, имѣли храмъ, въ которомъ, какъ святица, хранились Священные книги, имѣли первосвященниковъ и священниковъ, которые блюли эту святию отъ поврежденія; то естественно предположить, что Семьдесятъ переводили съ такого еврейскаго текста, который по буквѣ былъ ближе къ подлиннымъ Писаніямъ авторовъ Священныхъ книгъ, нежели имѣющійся у насъ текстъ еврейской Библии. Кромѣ того, въ переводѣ Семидесяти мы отчасти можемъ ознакомиться съ тѣмъ пониманіемъ библейскаго текста, какое имѣла Ветхозавѣтная Церковь въ третьемъ вѣкѣ до Рождества Христова. Правда, что касается до значенія пророчествъ и духа Писанія, то Иудейская Церковь не могла обнимать ихъ съ такою ясностію, понимать ихъ такъ глубоко и широко, какъ это стало доступно Церкви Христіанской; но буквальный смыслъ библейскаго текста ветхозавѣтнымъ людямъ былъ понятіе, чѣмъ намъ. Вотъ почему переводъ Семидесяти, не смотря на свои несовершенства, имѣетъ и научное значеніе и можетъ оказывать помощь какъ переводчикамъ еврейскаго текста Библии на другіе

языки, такъ и толкователямъ его. Дѣйствительно, переводъ Семидесяти принимаютъ въ соображеніе и такіе ученые, для которыхъ онъ не имѣетъ церковной важности, которые не придають никакого значенія ни авторитету Восточной Церкви, ни авторитету отцовъ Церкви, ни даже авторитету древней Вселенской Церкви, — разумѣемъ протестантскихъ ученыхъ.

Въ частности вліяніе перевода Семидесяти и Вульгаты на позднѣйшіе переводы, не исключая самыхъ лучшихъ и новѣйшихъ, сказалось и въ переводѣ изъясняемаго нами изреченія. Такъ, въ Синодскомъ русскомъ переводѣ Ветхаго Завета, сдѣланномъ съ текста еврейскаго, поставлено: и на крилъ *святимища*, при чемъ слово *святимища* напечатано курсивомъ — знакъ, что этого слова въ подлинникѣ нѣтъ. Это слово внесено въ текстъ на основаніи словъ перевода Семидесяти, или по крайней мѣрѣ соотвѣственно имъ. У Семидесяти поставлено: καὶ ἐπὶ τὸ ἱερόν, и на *святимищю*.

Протоіерей Павскій и Архимандритъ Макарій (Алтайскій миссіонеръ) выраженіе: *in aly kenafib*, перевели: и на *крыль храма*. Образецъ такого перевода въ Вульгатѣ: *et erit in templo abominatio desolationis*. Не говоримъ о славянской Библии, такъ какъ она переведена не съ еврейскаго текста, а съ перевода Семидесяти; въ ней поставлено: и во *святимищю*.

Затѣмъ, въ славянской и русской Синодскихъ Библияхъ и въ переводахъ Павскаго и Макарія поставленъ глаголь *будетъ*, и даже не обозначенъ курсивомъ, между тѣмъ какъ въ еврейскомъ текстѣ никакого глагола не поставлено. Для употребленія глагола *будетъ* подають примѣръ переводъ Семидесяти ¹⁾ и Вульгата. Что глаголь въ этомъ изреченіи долженъ стоять въ будущемъ времени, это видно изъ контекста рѣчи: въ окружающихъ изреченіе предложеньяхъ глаголы поставлены въ будущемъ времени. Но что въ этомъ изреченіи подразумѣвается именно глаголь *быть*, а не какойнибудь иной, это можно полагать только съ вѣроятностію. Иные переводчики и толкователи ставятъ здѣсь другіе глаголы.

¹⁾ Впрочемъ въ иныхъ спискахъ Семидесяти глаголь *ἔσται* отсутствуетъ, нѣтъ его и въ переводѣ Θεοδοтіана.

Оригинальная особенность перевода Семидесяти въ томъ, что причастіе *μεσημεριᾶ* переведено не единственнымъ числомъ, а множественнымъ, τῶν ἡμερῶν. Почему у Семидесяти это слово поставлено во множественномъ числѣ, мы не знаемъ. Эта особенность перевода Семидесяти не нашла подражанія въ позднѣйшихъ переводахъ.

Самое важное отступленіе отъ буквы подлинника въ древнихъ авторитетныхъ переводахъ и въ тѣхъ переводахъ, которые въ разсматриваемомъ мѣстѣ подобны имъ, есть упоминаніе о храмѣ, или о святилищѣ. Естественно возникаетъ вопросъ, какъ и почему древніе переводчики открыли въ этомъ изреченіи мысль о храмѣ или о святилищѣ, тогда какъ въ подлинникѣ говорится о крылѣ? Рѣшеніе этого вопроса важно для уясненія смысла разсматриваемаго изреченія.

Еврейское слово כַּנָּפִיךָ (канафъ) значить крыло, т. е., птичье крыло. Но какъ въ другихъ языкахъ, напр., въ русскомъ, такъ и въ еврейскомъ это слово имѣетъ много несобственныхъ значеній, изъ которыхъ нѣкоторыя очень далеки отъ понятія птичьяго крыла. Такъ, въ Ветхомъ Завѣтѣ говорится образно о крыльяхъ утренней зари (Псал. 138, 9), о крыльяхъ вѣтра (Псал. 17, 1; 103, 3), о крыльяхъ, какъ покровѣ (Псал. 16, 8). Во всѣхъ этихъ мѣстахъ употреблено слово *канафъ*, во множественномъ числѣ. Отъ понятія о распростертыхъ крыльяхъ слову *канафъ* придано значеніе края, оконечности какого либо предмета; отсюда словомъ *канафъ* обозначаются: крыло или флангъ войска (Иса. 8, 8), край верхней одежды (1 Цар. 24, 5. 12), край одѣяла (Иезек. 16, 8) и самое одѣяло (Руѡв. 3, 9), край или граница земли (Иса. 24, 16), края или границы земли (Иовъ 38, 13; Иез. 7, 2). Въ русскомъ языкѣ крыломъ, кромѣ многихъ другихъ предметовъ, называется боковая, второстепенная пристройка къ краю главнаго корпуса зданія. Такого рода пристройки были и при Иерусалимскомъ храмѣ и, повидимому, носили названіе крыла, какъ можно догадываться на основаніи повѣствованія Матѳея и Луки объ искушеніи Иисуса Христа діаволомъ. *Беретъ Его діаволъ въ святый городъ и поставляетъ Его на крылѣ храма, ѣтъшеу аѳтὸν ἐπὶ τὸ πτερύγιον τοῦ ἱεροῦ* (Мѳ. 4, 5; ср. Лук. 4, 9). Будемъ ли мы разумѣть подъ *πτερύγιον*

(крыломъ) маковку или высочайшій пунктъ храма, какъ думаютъ нѣкоторые, или допустимъ, что Евангелисты этимъ названіемъ обозначали какую то боковую пристройку или часть храма, хотя имѣющую основаніе на землѣ, но высоко возносящуюся своею кровлею или верхомъ, несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что Евангелисты этимъ словомъ назвали какую то часть храма. Для насъ не особенно важно знать, какую именно часть храма Евангелисты называютъ крыломъ, а важно то, что крыломъ они называютъ часть храма. Впрочемъ несомнѣнно, что часть эта находилась или на высотѣ храма, или, по крайней мѣрѣ, верхъ этой части находился столь далеко отъ поверхности земли, что броситься съ него на землю, значило убиться до смерти. Но если Евангелисты какую то часть храма называютъ особымъ терминомъ по гречески, то быть не можетъ, чтобы она не имѣла особаго названія на еврейскомъ языкѣ. Весьма возможно, что въ разсматриваемомъ изреченіи книги Даниила словомъ *канафъ* именно и называется та часть храма, неизвѣстная намъ въ точности, которую Евангелисты по гречески называли *περύγιον*. Почему не допустить, что въ этомъ изреченіи мы имѣемъ единственное мѣсто въ Библии, въ которомъ эта часть храма обозначена словомъ *канафъ*? Конечно, мы можемъ это только предполагать, хотя и съ значительною вѣроятностію: вѣдь Иерусалимскій храмъ былъ разрушенъ почти за двѣ тысячи лѣтъ до нашихъ дней. Но совѣмъ въ иномъ положеніи находились Семьдесятъ переводчиковъ: въ ихъ время храмъ еще существовалъ, и они могли отлично знать всѣ части его и названія ихъ. Для насъ *ве аль кенафъ* — темное изреченіе, а для нихъ оно могло быть совершенно ясно. Они сразу и безъ колебанія могли видѣть, что въ этомъ изреченіи у Даниила говорится о части храма, называемой крыломъ, а не о какомъ нибудь иномъ крылѣ.

Но спрашивается, почему же Семьдесятъ перевели: *καὶ ἐπὶ τὸ ἱερόν*, на святилищѣ, а не перевели: *καὶ ἐπὶ τὸ περύγιον τοῦ ἱεροῦ*, и на крылѣ святилища? Потому, что смыслъ всего пророчества указываетъ на оскверненіе храма, — не одной какой либо его части, а всего храма. О части говорится вмѣсто цѣлаго. *Ве аль кенафъ* можетъ значить: на храмѣ, на крышѣ храма, на высотѣ или на верху храма, на высшемъ пунктѣ храма. Мысль та, что мерзость запу-

стѣнія, находясь на высотѣ храма, будетъ вѣнцомъ его, будетъ господствовать надъ нимъ, подобно тому, какъ статуи, поставленные надъ фронтономъ или на краяхъ кровли зданія, господствуютъ надъ послѣднимъ. Такъ какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ идола и другія принадлежности и дѣйствія языческаго культа назывались мерзостію, то въ разсматриваемомъ мѣстѣ весьма удобно видѣть указаніе на идоловъ, которые будутъ поставлены на кровлѣ, на самыхъ видныхъ мѣстахъ храма, и такимъ образомъ будутъ какъ бы поирать его и всѣмъ проходящимъ давать знать, что этотъ храмъ уже не есть храмъ Божій, а находится въ распоряженіи враждебной Богу силы.

Замѣчательно, что въ объясняемомъ изреченіи указаніе на святилище или храмъ находятъ даже такіе переводчики, для которыхъ всего дороже еврейскій текстъ и которые на немъ только и основываются. Такъ, у насъ есть „Священные книги Ветхаго Завѣта, переведенныя съ еврейскаго текста для употребленія Евреямъ. Вѣна. Изданіе Рейхарда. 1877“. Здѣсь объясняемое нами мѣсто переведено слѣдующимъ образомъ: *и на верху святилища будетъ мерзость запустѣнія*.

Мы не можемъ, однако, умолчать о недостаткахъ, которые гебраисты замѣчаютъ въ переводѣ объясняемаго изреченія у Семидесяти и въ Вульгатѣ. Вотъ какъ говорить объ этихъ переводахъ Михаэлисъ. „Повидимому, ихъ переводу благопріятствуетъ то, что Самъ Христосъ истолковалъ слова именно въ допускаемомъ ими смыслѣ (Матѣ. 24, 15; Марк. 13, 14). Но между тѣмъ какъ Христосъ указалъ скорѣе на мысль пророческихъ словъ, чѣмъ привелъ самыя слова, упомянутые переводчики, напротивъ, такъ какъ они обязаны были выразить слова не меньше, чѣмъ смыслъ, оказались въ передачѣ словъ менѣе старательными. Они не только слово *канафъ*, которое они передали словомъ *храмъ*, приняли за независящее слово, между тѣмъ какъ оно поставлено въ состояніи сопряженія и посему согласуется съ слѣдующимъ словомъ *шиккуцимъ*, управляя имъ: но, и наоборотъ, слово *шиккуцимъ*, не смотря на то, что оно находится въ состояніи независимости, перевели такъ, какъ будто бы оно было въ состояніи сопряженія“. Согласно этимъ требованіямъ констру-

ци рѣчи самъ Михаэлисъ перевелъ изреченіе такъ: *И на крыль мѣрзостей будетъ опустошающій* ¹⁾.

Иные переводчики не рѣшаются ставить въ своихъ переводахъ этого мѣста слово *святилище*, или слово *храмъ*, при чемъ одни изъ нихъ, тѣмъ не менѣе, подразумѣваютъ его, а другіе совсѣмъ не усматриваютъ въ этомъ изреченіи указанія на храмъ, или святилище.

Изъ древнихъ переводовъ таковъ переводъ Сирскій, какъ это видно изъ латинской интерпретаціи его въ полиглоттѣ и изъ толкованія на книгу Даниїла Ефрема Сирина, пользовавшагося Сирскимъ переводомъ. Въ полиглоттѣ имѣется слѣдующій латинскій переводъ съ Сирскаго перевода: *denique super extremitates abominationis incumbet vastitas* ²⁾, т. е., *наконецъ на краяхъ* (или *крыльяхъ*, или *концахъ*) *мерзости ляжетъ запустѣніе*. Не ясно, какую мысль переводчики соединяли съ этимъ изреченіемъ. Сходенъ съ этимъ переводомъ латинскій переводъ этого изреченія въ толкованіи Ефрема Сирина на книгу пророка Даниїла. „*Et super alas abominationis desolatio, и на крыльяхъ мерзости запустѣніе*. Ибо, объясняетъ это изреченіе Ефремъ, Римляне внесутъ во храмъ орла и помѣстятъ тамъ изображеніе своего императора. Это и есть то, о чемъ сказано: Когда увидите мерзостное изображеніе, о чемъ сказано чрезъ Даниїла пророка (Cum videritis abominabilem signum dictum per Danielelem Prophetam“ ³⁾). Характерная особенность Сирскаго перевода въ томъ, что слово *мерзость* поставлено въ ближайшую связь съ словомъ *крылья*, въ родительномъ падежѣ, зависящемъ отъ слова *крылья*, а слово *запустѣніе* поставлено въ именительномъ падежѣ, и есть подлежащее. Напротивъ, въ прочихъ древнихъ переводахъ и въ новыхъ слово *мерзость* ставляется въ именительномъ падежѣ, слово *запустѣніе* въ родительномъ, въ зависимости отъ слова *мерзость*, а слово *на крыль*

¹⁾ Christiani Benedicti Michaelis Uberiores adnotationes philologico-exegeticae in hagiographos veteris testamenti libros. Volumen tertium, continens adnotationes in vaticinium Danielis et in libros Esrae, Nehemiae et Chronicorum, pag. 355.

²⁾ Monasterii S. Petri Gemeticensis congreg. S. Mauri 1664. Bibliorum sacrorum tomus tertius. Daniel, pag. 216.

³⁾ Ephraem Syri opera omnia. Romae. 1740 an. T. secundus, pag. 222. In Danielelem Prophetam explanatio.

(или на крыльяхъ) принимается за обстоятельство мѣста для обоихъ этихъ словъ, и въ зависимость отъ него слово мерзость не поставляется. Схема Сирскаго перевода: *запустѣнїе на крылахъ мерзости*; схема прочихъ переводовъ: *мерзость запустѣнїя на крыль* (или на храмѣ).— Другая особенность Сирскаго перевода, принадлежащая, впрочемъ, не ему одному, заключается въ томъ, что еврейское слово *канафъ* переводится не единственнымъ числомъ, а множественнымъ ¹⁾. Обѣ эти особенности Сирскаго перевода, равно какъ и толкованіе Ефрема Сирина на это мѣсто, показываютъ, что переводчики на сирскій языкъ Священнаго Писанія въ разсматриваемомъ изреченіи подъ словомъ мерзость разумѣли нѣчто мерзкое, имѣющее крылья и производящее или приносящее съ собою запустѣнїе, или же служащее знакомъ запустѣнїя.

Въ переводахъ новыхъ сходно съ Сирскимъ переводомъ передано это изреченіе въ англійской Библии, напечатанной въ 1886 г. въ Оксфордѣ. Въ основаніе этого изданія Библии положенъ переводъ ея съ подлинныхъ текстовъ 1611 г., но сличенный со многими древними авторитетными переводами, пересмотрѣнный и снабженный вариантами. Въ этой Библии разсматриваемое изреченіе переведено такъ: *and upon the wing of abominations shall come one that maketh desolate*, т. е., и на крылѣ мерзости придетъ опустошитель; а на полѣ поставлено: *Upon the pinnacle of abominations shall be et caet.*, т. е., на верху мерзости и т. д. Подобнымъ же образомъ переводить это изреченіе нѣмецкій гебраистъ Гезеній: *Und auf des Greuels Schwinge (kommt, erscheint) der Verwüster*, denn der Feind der Gottesgemeinde wird auf Flügeln des Götzengreuels getragen gedacht, wie etwa Jahve auf den Cherubim, т. е., и на крыль-

¹⁾ Ксиль приводитъ изъ Ветхаго Завѣта нѣсколько примѣровъ того, что слово *канафъ* и въ единственномъ и во множественномъ числѣ иногда означаетъ одно и то же понятіе, напр., понятіе крылатаго существа, т. е., птицы (Притч. 1, 17; Екклез. 10, 20), понятіе края или конца земли (Иса. 24, 16; Иовъ 37, 3; 38, 13). *Biblicher Commentar über das Alte Testament, dritter Theil, fünfter Band. 1869. S. 309.* Дѣйствительно, *канафъ* есть имя существительное *собирательное*, а потому иногда можетъ быть употребляемо безразлично какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ. Вотъ почему и въ разсматриваемомъ мѣстѣ это слово переводятъ то единственнымъ, то множественнымъ числомъ.

яхъ мерзости (придетъ, явится) опустошитель, потому что врагъ Церкви представляется носимымъ на крыльяхъ мерзостнаго идола, подобно тому, какъ Иегова бываетъ носимъ Херувимами.

Изъ другихъ переводовъ новаго времени, въ которыхъ это изреченіе передано буквально, отмѣтимъ слѣдующіе. Переводъ Лютера: *und bei den Flügeln werden stehen Gräuel der Verwüstung* ¹⁾, т. е., и при крыльяхъ будутъ стоять мерзости заустѣнія. Какія понятія соединялъ Лютеръ съ словами: Flügeln и Gräuel, и вообще, какъ онъ понималъ это изреченіе, мы не знаемъ. Въ Берленбургской Библии переведено: *Über den abscheulichen Flügel wird ein Verwüster kommen*, ²⁾ т. е., на отвратительномъ крылѣ явится опустошитель.

Различны переводы изреченія о мерзости заустѣнія; но еще болѣе разнообразны толкованія этого мѣста. Хр. Б. Михаэлисъ, перечисливши старинныя изъясненія этого реченія, продолжаетъ: „А у новыхъ толковниковъ почти столько же умовъ (мнѣній), сколько головъ“ (*Recentiorum vero interpretum tot fere sententiae, quot capita sunt*). ³⁾ Послѣ Михаэлиса до настоящаго времени число толкователей этого изреченія чрезвычайно умножилось. Но съ умноженіемъ толкователей только усилилось разногласіе, такъ что и къ новымъ и новѣйшимъ толковникамъ вполнѣ примѣнимы слова Михаэлиса. Какъ все изреченіе о мерзости заустѣнія, такъ и каждое слово его, равно какъ и отношенія между словами истолковываются чрезвычайно различно.

Прежде всего, крайне разнообразно изъясняется выраженіе: *ве аль кенафъ, и на крыль.*

Одни, какъ Свидя, Гезихій и многіе другіе толкователи, придаютъ слову *кенафъ* значеніе высшаго пункта храма Иерусалимскаго, верха кровли, общѣе — верха храма, или святилища. Отсюда выраженіе *ве аль кенафъ* будетъ значить: на верху храма, или просто: на храмѣ. Это толкованіе основываютъ главнымъ образомъ на томъ, что Евангелисты Матѳей (4,5) и Лука (4,9) словомъ *περὶ ὀροῦ* называли вы-

¹⁾ Polyglotten-Bibel zum praktischen Handgebrauch von Stier und Theile. Dritten Bandes zweite Abtheilung. Dritte verbesserte Auflage. 1861. S. 111.

²⁾ Ibidem S. 111. Anmerkung.

³⁾ Op. cit., pag. 355.

сокую часть храма Иерусалимскаго, что *περύγιον* есть то же, что *ἀκροτήριον*, т. е., означаетъ высшую выдающуюся часть зданія, въ настоящемъ случаѣ—храма.

Противъ такого толкованія дѣлають возраженія. Говорятъ, у Евангелистовъ сказано: *περύγιον τοῦ ἱεροῦ*, а не *τοῦ ναοῦ*, крыло святилища, а не храма; а это показываетъ, что у нихъ рѣчь не о крышѣ, или маковкѣ храма, а о крылѣ, или боковой пристройкѣ къ святилищу.—Указываютъ еще на то, что и греческое *περύγιον* и еврейское *канафъ* означаютъ крайніе или выдающіеся пункты въ бока, въ ширину, а не въ верхъ ¹⁾.

Оба эти возраженія Кеиля справедливы. Тѣмъ не менѣе они не ниспровергаютъ толкованія, а только побуждаютъ нѣсколько измѣнить его. Пусть *περύγιον* означаетъ не маковку храма, а боковую пристройку при немъ; но когда сказано: *ἐπὶ τὸ περύγιον*, то этимъ указывается на верхъ этой части или пристройки храма. Пусть и *канафъ* означаетъ не кровлю храма, или высшій пунктъ ея, а боковую пристройку при храмѣ; но разъ сказано: *ἐν ἀλφῇ канафъ*, этимъ указано на верхъ ея. Да и не важно, какъ мы уже говорили, знать, о какой части храма говорится у Данила: важно рѣшить вопросъ, есть ли въ его изреченіи указаніе на храмъ, или нѣтъ.

Иные, напр. Геферникъ, противъ обсуждаемаго толкованія выставляютъ то возраженіе, что въ словѣ *канафъ* не заключается никакого указанія на храмъ; потому что изъ еврейской древности не извѣстно ни одного другаго примѣра употребленія слова *канафъ* въ этомъ значеніи. Хотя это значеніе и явилось въ позднѣйшее время въ примѣненіи къ Иродову храму, но тутъ своимъ происхожденіемъ оно обязано, быть можетъ, греческому словоупотребленію ²⁾.

Противъ этого возраженія должно замѣтить, что еслибы въ другомъ мѣстѣ Ветхаго Завета какая-либо часть храма называлась *канафъ*, то въ такомъ случаѣ не могло бы быть никакого сомнѣнія относительно значенія *канафъ* въ разсматриваемомъ изреченіи. Къ сожалѣнію, такого употреб-

¹⁾ Biblischer Commentar über das Alte Testament, dritter Theil, fünfter Band. 1869. S. 306—308.

²⁾ Commentar über das Buch Daniel. S. 383.

ленія слова *канафъ* въ Вѣтхомъ Завѣтѣ не встрѣчается, и потому то въ словѣ *канафъ* въ изъясняемомъ изреченіи одни находятъ указаніе на храмъ, другіе не находятъ. При этомъ первые хотя и не могутъ въ подтвержденіе своего толкованія привести доводовъ рѣшительныхъ, безспорныхъ и неопровержимыхъ; но косвенныя доказательства въ его пользу все-таки имѣются. Это толкованіе не есть ни безспорное, ни единственное, но его можно признать наилучшимъ, и оно есть самое распространенное.

Другіе толкователи хотя и находятъ въ изъясняемомъ изреченіи указаніе на храмъ, но указанію косвенное. По ихъ мнѣнію, словомъ *канафъ* означаетъ не какая-либо часть храма, а римскій орелъ, котораго завоеватели Іерусалима внесли въ храмъ Іерусалимскій. Это—толкованіе Ефрема Сирина.

По мнѣнію третьихъ, напр. Геферника, „*канафъ* означаетъ *extremitas regionis*, самый крайній пунктъ, часть страны, или мѣста, и выраженіе *алъ кенафъ шиккуцимъ* значить—на самой крайней высотѣ мерзость, т. е., на самомъ высокомъ мѣстѣ, гдѣ будутъ совершаться мерзости. Но въ Іерусалимѣ высочайшимъ пунктомъ былъ храмъ, и на него то именно и указываетъ это выраженіе“¹⁾. Дѣйствительно, *канафъ*, какъ въ единственномъ, такъ и во множественномъ числѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вѣтхаго Завѣта означаетъ края или послѣдніе предѣлы земли (Іовъ 37, 3; 38, 13; Ис. 11, 12; 24, 16; Іезек. 7, 2). Но не слѣдуетъ забывать, что въ этихъ мѣстахъ выраженіями: *кенафъ гаарецъ* (край земли) и *канфотъ гаарецъ* (края земли), означаются крайніе пункты широты, или долготы, вообще концы или края горизонтальной поверхности. Крайней же точки высоты, вершины какого-либо предмета слово *канафъ* не означаетъ. И это по той причинѣ, что переносныя значенія слова *канафъ*: край или края земли, края покрывала и т. п., взяты съ образа птицы, распростирающей свои крылья; а птицы распростираютъ крылья въ ширь, а не въ высь.

Нѣсколько похоже на толкованіе Геферника изъясненіе

¹⁾ Commentar über das Buch Daniel von H. A. Ch. Hövernick. 1832. S. 384—386.

Генгстенберга. Все изреченіе онъ переводить такъ: „И на верхъ мерзости придетъ (ступитъ) опустошитель“. Слово *кенафъ*—крыло онъ понимаетъ, какъ образное обозначеніе верха, вершины. Мерзостное крыло или крыло мерзости, по мнѣнію Генгстенберга, означаетъ „верхъ храма, на столько оскверненнаго мерзостію, что онъ уже не заслуживаетъ болѣе имени храма Божія, но имя идольскаго храма... А что опустошитель будетъ на верху храма, или придетъ на верхъ храма, это, говоритъ Генгстенбергъ, мы понимаемъ, какъ обозначеніе полнѣйшаго разрушенія его, насколько овладѣніе высочайшею частію предполагаетъ предварительное обладаніе всѣмъ остальнымъ“ ¹⁾. Раскрывая и обосновывая свое толкованіе, Генгстенбергъ утверждаетъ, что храмъ былъ мерзостно оскверненъ нечестіемъ Іудеевъ и за это разрушенъ ²⁾).

Это мнѣніе не новое. Его приволь, но не какъ собственное мнѣніе, Христіанъ Бенедиктъ Михаэлисъ въ слѣдующихъ словахъ: „*На крыль мерзостей*, т. е., на храмъ, сдѣлавшемся для Бога омерзительнымъ изъ за нечестивыхъ людей, которые осквернили его (храмъ) своими злодѣяніями и богохульствомъ, *будетъ опустошитель*, римское войско, или народъ грядущаго вождя (стих. 26-й)“ ³⁾.

Противъ этого изъясненія должно сказать, что *кенафъ* само по себѣ не означаетъ вершины, или верха предметовъ.

Мнѣніе Генгстенберга нѣсколько видоизмѣняетъ Оберленъ. Онъ также въ словѣ *ve аль кенафъ* находитъ указаніе на верхъ, но только не храма, а мерзости Израиля, осквернившей храмъ. Согласовывая слово *мешомемъ* съ *кенафъ*, признавая его опредѣленіемъ къ слову *кенафъ*, Оберленъ переводитъ разсматриваемое изреченіе слѣдующимъ образомъ: *И по причинѣ верха мерзостей, производящаго опустошеніе*. Подъ верхомъ мерзостей Оберленъ разумѣетъ крайнюю или высшую степень мерзости, допущенной Из-

¹⁾ Christologie des Alten Testaments und Commentar über die Messianischen Weissagungen der Propheten von E. W. Hengstenberg. Zweiten Theiles erste und zweite Abtheilung, enthaltend Sacharjah und Daniel. 1832. S. 493—495.

²⁾ Тамъ же. S. 495—512.

³⁾ Uberiorum adnotationum philologico-exegeticarum in hagiographos Vet. Testamenti libros volumen tertium. Pag. 356.

раилемъ, которая влечетъ за собою опустошеніе, потому что она и сама по себѣ есть запустѣніе. По мнѣнію Оберлена, „Богослуженіе народа, который по своему невѣрью умертвилъ помазанника Господня и который послѣ этого все болѣе и болѣе коснѣлъ въ своемъ самооправданіи и жестокосердіи, было идолослуженіемъ; народъ, который такъ согрѣшилъ противъ Всесвятѣйшаго, исполненъ *шиккуцимъ*, мерзостей“. „Послѣ умерщвленія Мессіи, продолжаетъ Оберленъ, мерзости все болѣе и болѣе умножались, до тѣхъ поръ, пока онѣ, не за долго до разрушенія Иерусалима, не достигли своего верха въ оскверненіи храма зилотами ¹⁾, которое и имѣлъ всего болѣе въ виду Иисусъ Христосъ въ своемъ пророчествѣ ²⁾ и о которомъ Іосифъ ³⁾, съ явнымъ намекомъ на нашъ стихъ, говоритъ: „Они считали близкимъ къ исполненію предсказаніе о своемъ отечествѣ; ибо было одно древнее предсказаніе, что городъ будетъ завоеванъ и святилище будетъ сожжено послѣ войны тогда, когда возгорится междуусобица, храмъ Божій осквернятъ руки своего же народа. Этому предсказанію зилоты вѣрили, и, тѣмъ не менѣе, сами сдѣлались орудіями исполненія его“ ⁴⁾. Выраженіе въ принятомъ текстѣ LXX *ἐπὶ τὸ ἱερόν*, которое Иисусъ точнѣе объясняетъ словами: *ἐν τῷ ἁγίῳ*, основывается, какъ это видно изъ выразительнаго параллельнаго мѣста у Марка (13, 14): *ὁ πον οὐ δεῖ*, не въ словѣ *κенафъ*, — для этого и случайная аналогія съ словомъ *περὲς γίον* (Матѳ. 4, 5) также не даетъ достаточнаго основанія, — но въ словѣ *шиккуцимъ*, которое означаетъ

¹⁾ Зилоты — національная, патріотическая партія Иудейскаго народа, принимавшая дѣятельное участіе въ бунтѣ Иуды Галилеянина и въ Иудейской войнѣ. Зилоты стремились свергнуть чужеземное иго и возстановить прежнюю славу народа избраннаго. Во время осады Иерусалима Титомъ между зилотами и тѣми Иудеями, которые не сочувствовали имъ и не довѣряли ихъ замысламъ, возгорѣлась междуусобная война.

²⁾ Оберленъ разумѣетъ предсказаніе Иисуса Христа о мерзости запустѣнія, стоящей на святомъ мѣстѣ (Мѳ. 24, 15), или гдѣ не должно (Марк. 13, 14).

³⁾ Т. е., Іосифъ Флавій, изъ сочиненія котораго: *О войнѣ Иудейской*, Оберленъ приводитъ эти слова, въ которыхъ Флавій имѣетъ въ виду предсказаніе Давида о разрушеніи Иерусалима и храма.

⁴⁾ Iosephi Flavii De bello judaico.

не вообще мерзость, но мерзость религиозную, предметы, оскверняющіе святилище“ ¹⁾).

И это мнѣніе не новое. Такое же по существу мнѣніе приводитъ Хр. Бенед. Михаэлисъ, говоря, что именемъ крыла обозначается „отрядъ или множество людей, совершающихъ мерзкое, каковыми были Іудеи предъ разрушеніемъ города“ ²⁾).

Противъ этого толкованія имѣетъ силу то самое, что сказано было по поводу толкованія Геферника и Генгстенберга.

Слово *канафъ* само по себѣ не можетъ означать храма въ томъ смыслѣ, что онъ находится на самомъ высококомъ мѣстѣ въ Іерусалимѣ; не означаетъ оно, —опять таки взято само по себѣ,—и верхушки храма, оскверненнаго мерзостію; не означаетъ оно, наконецъ, и высочайшей степеню злочестія Іудеевъ, которыми храмъ былъ оскверненъ. Эти три мнѣнія о значеніи слова *канафъ* Геферника, Генгстенберга и Оберлена не имѣютъ достаточной опоры въ филологіи, не имѣютъ основанія въ тѣхъ значеніяхъ слова *канафъ*, которыя встрѣчаются въ разныхъ книгахъ Ветхаго Завѣта.

Разумѣли еще подъ именемъ крыла весь храмъ Іерусалимскій потому, что Іудеи надѣялись, что онъ будетъ для нихъ покровомъ и поэтому представляли его на подобіе крыла. Объ это мнѣніи упоминаетъ вскользь Х. Б. Михаэлисъ ³⁾. Оно, повидимому, довольно правдоподобно. Христіанская Церковь при общественномъ Богослуженіи молить Бога, чтобы Онъ покрылъ христіанъ *кровомъ крылу Своею*. Это образное выраженіе взято изъ молитвы царя Давида, который просилъ Бога: *взъ тѣни крылъ Твоихъ укрой меня* (Псал. 16, 8). Это изреченіе показываетъ, что Іудеи покровительство Божіе, дѣйствительно, представляли образно въ видѣ осѣненія крылами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что Іудеи и храму, какъ жилищу покровительствовавшаго имъ Бога, могли придавать образное значеніе крылъ, которыми птица покрываетъ своихъ птенцовъ и такимъ способомъ защищаетъ ихъ отъ непогоды, холода

¹⁾ Der Prophet Daniel und die Offenbarung Iohannis... 1854. S. 105—107.

²⁾ Op. cit., pag. 357.

³⁾ Ibid., pag. 356.

и отъ враговъ. Но изъ Писанія не видно, чтобы Иудеи называли свой храмъ крыломъ. Точно также ничѣмъ нельзя доказать, что Архангелъ Гавриилъ называлъ крыломъ именно храмъ въ значеніи покровительствующей Иудейскому народу святыни.

Обзоръ всѣхъ этихъ мнѣній показываетъ, что толкователи въ разсматриваемомъ мѣстѣ книги Даниила находятъ указаніе на храмъ Иерусалимскій, но только или прикровенное, или косвенное. Указаніе на храмъ одни изъ нихъ, большинство, находятъ въ словѣ: *и на крыль*, другіе, немногіе, въ словѣ: *мерзость*. Первые подъ крыломъ разумѣютъ: или римскаго орла, изображеннаго на воинскихъ знаменахъ и внесеннаго завоевателями Иудеи въ храмъ Иерусалимскій, чѣмъ означалось попраніе святыни язычниками; или орла, какъ идольской птицы, символа языческаго бога Юпитера; при чемъ внесеніе его въ храмъ означало идольское оскверненіе храма; или самый храмъ, какъ покровителя Иудейскаго народа; или храмъ же, но какъ занимающій высочайшее, господствующее надъ городомъ, положеніе въ Иерусалимѣ; или храмъ, какъ оскверненный злодѣйствомъ Иудейскаго народа, дошедшимъ до высочайшей степени, до такой высоты, до какой только можетъ возноситься человѣческое нечестіе; или же разумѣютъ не весь храмъ, а только верхъ его, выдающуюся въ верхъ часть храма, при чемъ, подразумѣвается, часть метафорически указана вмѣсто цѣлаго.

Вторые утверждаютъ, что слово *шиккуцимъ* означаетъ не всякую вообще мерзость, а только мерзость въ отношеніи къ религіи и къ святынѣ, частіе—къ храму.

Но были и теперь есть и такіе толкователи, которые ни въ словѣ: *и на крыль*, ни во всемъ вообще разсматриваемомъ изреченіи не находили никакого указанія на храмъ и изъясняли это изреченіе совсѣмъ иначе, нежели вышеприведенные толковники.

Такъ, Зостманъ въ своемъ Комментаріи на пророчество Даниила о седминахъ ¹⁾ даетъ слѣдующее изъясненіе разсматриваемаго изреченія. Крыло онъ отождествляетъ съ крылатою, т. е., съ птицею, и переводитъ изреченіе такъ:

¹⁾ Commentarius chronologico—philologicus et exegeticus oraculi Danielis IX, 24—27 de LXX hebdomadibus. Leyden 1710.

и вмѣстѣ съ мерзостною птицею (или: подѣ мерзостною птицею) будетъ опустошитель. Подѣ опустошителемъ же онъ разумѣеть римское войско, на что указываетъ контекстъ и что подтверждаетъ Христось, говоря: *Когда увидите Иерусалимъ, окруженный войсками, тогда знайте, что приблизилось заустыніе его* (Лук. 21, 20), о чемъ и Матѣей и Маркъ сказали: *Когда увидите мерзость заустынія.* Птица, по мнѣнію Зостмана, означаетъ орда, подѣ изображеніемъ котораго (на знаменахъ) Римляне сражались. Названа она мерзостною по причинѣ идольскаго служенія, которое оказывали ей воины. Смыслъ изреченія тотъ, что подѣ знаменами съ изображеніями орловъ придетъ, для опустошенія Иерусалима, римское войско ¹⁾.

Недостатокъ этого толкованія въ отступленіяхъ отъ буквы пророчества: предлогъ *на* произвольно замѣняется противоположнымъ ему по значенію предлогомъ *подѣ*; вмѣсто *крыла* ставится *орелъ*.

Извѣстный составитель Еврейско-нѣмецкаго лексикона и Еврейской грамматики Гезеній полагаетъ, что въ разсчитываемомъ изреченіи разумѣются крылья мерзостнаго идола, на которыхъ будетъ переносимъ антихристъ. Мнѣніе остроумное. Оно, хотя и не въ примѣненіи къ этому именно изреченію, за много вѣковъ до Гезенія было высказано Св. Ефремомъ Сириномъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что антихристъ не только будетъ носимъ на крыльяхъ, но просто будетъ летать на крыльяхъ. Уже и въ настоящее время аэронавтика (наука о воздухоплаваніи) ушла столь далеко впередъ, что изобрѣтеніе хорошихъ воздухоплавательныхъ снарядовъ можно ожидать въ недалекомъ будущемъ (плохіе воздухоплавательные снаряды уже и теперь есть). Но что именно въ разсчитываемомъ изреченіи говорится о летаніи антихриста на крыльяхъ, или о томъ, что онъ будетъ переносимъ на крыльяхъ какого-то предмета, это одна догадка. Основаніе для этой догадки только одно: нѣтъ не только препятствій, а есть даже и основанія въ этомъ изреченіи находить указаніе на антихриста. Съ своей стороны мы хотя и не отвергаемъ прямо этой догадки, но и не придаемъ ей научной важности. Она остроумна, но не имѣетъ научной обоснованности и твердости.

¹⁾ Chr. V. Michaelis op. cit., pag. 356.

Но главное возраженіе противъ этой догадки можетъ быть то, что нѣтъ крайней необходимости прибѣгать къ ней и предпочитать ей широко распространенное и не несомнѣтельное мнѣніе, что въ разсматриваемомъ изреченіи есть указаніе на храмъ. Это мнѣніе основывается на связи рѣчи, разумѣномъ слова о прекращеніи жертвы и приношенія. Далѣе, это мнѣніе сильно подкрѣпляется параллельными изреченіями изъ самой же книги Даниила (11, 31 и 12, 11) и изъ Евангелій Маттея (24, 15) и Марка (13, 14). Въ Евангеліяхъ, со ссылкой на Даниила, прямо говорится о мерзости запустѣнія, какъ стоящей на святомъ мѣстѣ, или гдѣ не должно. Затѣмъ, это мнѣніе подтверждается повѣствованіемъ Евангелистовъ Маттея и Луки объ искушеніи Иисуса Христа въ пустынѣ діаволомъ. Несомнѣнно, что они греческимъ словомъ *περὺρον* называли какую то часть храма Иерусалимскаго, какъ это видно изъ прибавленнаго къ этому слову опредѣлительнаго слова *τοῦ ἱεροῦ*. Если они называли эту часть храма по гречески *крыломъ*, то естественно допустить, что она имѣла названіе и на еврейскомъ языкѣ и что по еврейски она называлась однозначащимъ съ *περὺρον* словомъ *канафъ*. Быть можетъ, какъ *περὺρον*, такъ и *канафъ* не содержитъ въ себѣ понятія о верхѣ, кровлѣ, вершинѣ и вообще о высшемъ пунктѣ чего бы то ни было; но вполнѣ возможно такое понятіе находить въ выраженіи *се алъ канафъ* — и на крылѣ, на крыльяхъ. Птица поднимается на воздухъ и паритъ на ужасающей высотѣ на крыльяхъ, при помощи крыльевъ, и съ выраженіемъ: *на крыльяхъ*, несомнѣнно, соединяется представленіе о подъемѣ вверхъ, о пребываніи въ воздухѣ, выше поверхности земли. Наконецъ, находить въ разсматриваемомъ изреченіи указаніе на храмъ побуждаетъ авторитетный переводъ Семидесяти ¹⁾.

Кромѣ различія въ пониманіи выраженія: *и на крыльѣ*, разности въ толкованіяхъ разсматриваемаго мѣста происходятъ еще отъ того, въ какомъ грамматическомъ отношеніи

¹⁾ Другія доказательства въ пользу этого толкованія представлены Генценбергомъ. *Christologie des Alten Testaments*.... Th. 2, Abth. 1 и 2, S. 494 und folg. Опроверженіе нѣкоторыхъ изъ его доказательствъ у Кейля. *Biblischer Commentar über d. A. T. Th. 3, B. 5, S. 306 und folg.*

переводчики и толкователи ставятъ это выраженіе къ двумъ слѣдующимъ за нимъ словамъ.

Такъ, въ Сирскомъ переводѣ слово *шиккуцимъ* (мерзости) принято за родительный падежъ, зависящій отъ словъ *ве аль кенафъ* (и на крылѣ). Кеиль, слѣдуя Рейхелю, Эбрарду, Клифоту и Кранихфельду, поставляетъ слово *шиккуцимъ* именно въ такую ближайшую связь съ выраженіемъ *ве аль кенафъ*. По его мнѣнію, нельзя понимать это мѣсто иначе, какъ приписывая крыло тому предмету, который означенъ словомъ *шиккуцимъ*. *Шиккуцимъ*, разъясняетъ онъ, означаетъ не дѣла мерзостныя, а предметы, возбуждающіе чувство омѣрзвѣнія, и постоянно употребляется для обозначенія идоловъ, идольскихъ жертвъ и прочихъ идольскихъ мерзостей. Не препятствуешь, по его мнѣнію, находить между этими словами самую тѣсную связь то обстоятельство, что одно изъ нихъ поставлено въ единственномъ, а другое—во множественномъ числѣ; такъ какъ слово *кенафъ*, и въ собственномъ, и въ фигуральномъ значеніи, часто въ единственномъ числѣ имѣетъ значеніе множественнаго ¹⁾. Свое объясненіе Кеиль оканчиваетъ слѣдующими словами Клифота: „Въ нашемъ мѣстѣ приписываются крылья *шиккуцимъ*, т. е., идольству съ его мерзостями, потому, что оно будетъ тою силою, которая воздвигнетъ губителя и опустошителя, которая будетъ носить и переносить его по землѣ для опустошенія“ ²⁾. Такимъ образомъ Клифотъ и Кеиль придаютъ слову *крыло*, *крылья* фигуральное значеніе. Опустошитель будетъ носимъ на крылѣ мерзости, это значить, что она подниметъ его, возвыситъ его, дастъ ему силу и будетъ переносить его съ мѣста на мѣсто для того, чтобы повсюду все опустошать. При этомъ подъ опустошителемъ разумѣется антихристъ, подъ мерзостію—все идольское, подъ крыломъ—сила идольства, которая дастъ возможность опустошителю возвыситься и дѣйствовать въ разныхъ мѣстахъ.

Другіе толкователи, какъ напр. Гезеній, разумѣя подъ

¹⁾ Поэтому *ве аль кенафъ* одни переводятъ: *и на крылѣ*, а другіе—*и на крылахъ*.

²⁾ *Biblischer Commentar über das Alte Testament* herausgegeben von C. F. Keil und Franz Delitzsch. Dritter Theil: prophetische Bücher. Fünfter Band: Der Prophet Daniel, S. 309.

опустошителемъ антихриста, понимаютъ слова: *и на крыль мерзости*, буквально, видятъ въ нихъ указаніе не на силу идолства, а на крылатаго идола, на которомъ, какъ на колесницѣ, или на тронѣ, антихристъ будетъ переносимъ съ мѣста на мѣсто.

Наконецъ, иные въ словахъ: *и на крыль мерзости*, находятъ указаніе на идольскую птицу, именно, на орла Юпитера или Зевса. Кейль говоритъ, что это толкованіе I. Д. Михаэлиса, повторенное въ наше время Гофманомъ, не заслуживаетъ серьезнаго опроверженія ¹⁾.

Эти мнѣнія объ отношеніи выраженія *и на крыль* къ слову *мерзости* и связанныя съ ними изъясненія всего изреченія заслуживаютъ слѣдующихъ замѣчаній.

Во-первыхъ, въ грамматическомъ строѣ рѣчи подлинника нѣтъ препятствій признать слово *шиккуцимъ* родительнымъ падежемъ, зависящимъ отъ выраженія *ве аль кенафъ*; но, съ другой стороны, нѣтъ препятствій полагать слово *шиккуцимъ* въ именительномъ падежѣ и относить выраженіе *ве аль кенафъ*, какъ обстоятельство мѣста, къ обоимъ слѣдующимъ словамъ, а не поставлять его въ особую тѣсную связь съ однимъ словомъ *шиккуцимъ*. И большинство переводчиковъ и толкователей считаютъ *шиккуцимъ* за именительный, а не за родительный падежъ.

Во-вторыхъ, въ словѣ *мешомемъ* (*опустошающій, опустошитель*, или же *запустѣніе, опустошеніе*) справедливо видѣть указаніе на антихриста, о чемъ подробнѣе скажемъ дальше.

Въ-третьихъ, въ выраженіи: *и на крыль мерзости*, нельзя находить указаніе на идолослуженіе, какъ силу, имѣющую возвысить антихриста. Нѣтъ ни одного мѣста въ Св. Писаніи, которое подтверждало бы это толкованіе. Въ Писаніи есть даже указанія на упадокъ языческаго идолослуженія въ послѣднія времена. Припомнимъ предска-

¹⁾ Ibid., S. 309, Anmerk. Подобно почти вѣмъ протестантскимъ богословамъ Кейль не знаетъ твореній св. отцовъ и приводитъ мнѣнія только однихъ протестантскихъ толкователей. Вотъ и въ данномъ случаѣ онъ говоритъ о толкованіи Михаэлиса, повторенномъ Гофманомъ, а не знаетъ и не желаетъ знать того, что оно за много вѣковъ до Михаэлиса было высказано Ефремомъ Сирчюномъ, у котораго, быть можетъ, Михаэлисъ его и заимствовалъ.

заніе Ісуса Христа о проповѣданіи въ послѣдніа времена *Евангелія Царствія по есей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ* (Матѣ. 24, 14). Въ Писаніи же и у нѣкоторыхъ отцовъ Церкви есть свидѣтельства о томъ, что 'самъ антихристъ не только не будетъ поощрять служеніе языческимъ богамъ, но и будетъ искоренять его, какъ и служеніе истинному Богу. Силу антихристу дасть не идолослуженіе, а упадокъ нравственности и богоотступленіе.

Въ -четвертыхъ, въ разсматриваемыхъ словахъ можно находить намекъ на крылатаго идола, какъ трона и колесницы антихриста; но, какъ мы сказали, это изъясненіе есть только остроумная догадка.

Наконецъ, попытка примѣненія обсуждаемыхъ словъ къ римскому орлу, поставленному въ храмъ Іерусалимскомъ и осквернявшему его, намъ не представляется совсѣмъ не стоящею вниманія, какою она кажется Кейлю: это толкованіе не хуже многихъ другихъ. Смыслъ всего изреченія при этомъ толкованіи тотъ, что на крылахъ римскаго, мерзкаго для Іудеевъ, орла въ Іудею и святыню ея будетъ внесено опустошеніе. Дѣйствительно, римское владычество, символомъ котораго былъ орелъ, опустошило и разрушило Іудею какъ политическое царство, и цѣлый народъ, объединенный вѣрою въ истиннаго Бога, разсѣяло по лицу земли, а святыню его—храмъ Іерусалимскій—осквернило и уничтожило.

Во всякомъ случаѣ, какъ рѣдки переводы, въ которыхъ слово *шиккуцимъ* поставляется въ ближайшую зависимость отъ выраженія *ве аль кенафъ*, такъ и примѣненные къ этимъ переводамъ изъясненія разсматриваемаго изреченія высказываются и одобряются только немногими богословами. Въ большинствѣ переводовъ и большинствомъ толкователей слово *шиккуцимъ* поставляется въ тѣсной связи съ словомъ *мешомемъ*, а слова *ве аль кенафъ* принимаются за обстоятельство мѣста къ обоимъ этимъ словамъ, связаннымъ вмѣстѣ. Соотвѣтственно такому взаимоотношенію словъ они и изъясняются иначе, нежели при тѣмъ построеніи рѣчи, которое мы только что разсмотрѣли.

Правда, Кейль совсѣмъ отрицаетъ существованіе близкой связи слова *мешомемъ* съ словомъ *шиккуцимъ*, по причинѣ различія въ числѣ. По его мнѣнію, *мешомемъ*,

поставленное въ единственномъ числѣ, не можетъ, въ значеніи прилагательнаго, быть согласовано съ множественною формою *шиккуцимъ*. Онъ полагаетъ, что *мешомемъ* въ этомъ изреченіи есть субъектъ, подлежащее, и означаетъ то самое лицо, которое выше, въ стихѣ 26-мъ, названо *нагидъ*, вождь, князь. Такому пониманію, объясняетъ Кеиль, не можетъ служить препятствіемъ отсутствіе члена при *мешомемъ*, потому что *мешомемъ* есть причастіе и можетъ быть понимаемо и какъ причастіе. Все изреченіе, по мнѣнію Кеиля, можетъ быть выражено такъ: „на крыльяхъ мерзостей придетъ онъ—опустошающій“¹⁾. Однако гebraисты, даже изъ тѣхъ, которые придерживаются буквы, не очень слѣдуютъ подобнымъ соображеніямъ. Такъ, протоіерей Павскій слова: *шиккуцимъ мешомемъ*, передалъ словами: *ужасная мерзость*²⁾. Пусть это переводъ исключительный; но за то постоянно переводятъ первое слово существительнымъ въ именительномъ падежѣ, а второе существительнымъ или прилагательнымъ въ родительномъ падежѣ, поставляемомъ въ зависимости отъ перваго слова, т. е., первое слово признаютъ опредѣляемымъ, а второе опредѣляющимъ. Такъ, у Семидесяти: *βδέλυμα τῶν ἐρημόσεων*, въ Вульгатѣ: *abominatio desolationis*, въ русскомъ Синодскомъ переводѣ: *мерзость запустѣнія*; тоже и во многихъ другихъ переводахъ. Не будетъ большой разницы, если поставить вмѣсто *запустѣнія* слово: опустошающаго, или: *опустошителя*. Такимъ образомъ знатоки еврейскаго языка безъ колебанія поставляютъ слова *шиккуцимъ* и *мешомемъ* въ близкую связь опредѣляемаго и опредѣляющаго³⁾. Это — связь предмета съ тѣмъ, что принадлежитъ ему, или съ тѣмъ, что онъ производитъ. О мерзости говорится, чья она: она — мерзость опустошающаго, опустошителя и губителя. Можно допустить, что слово *мешомемъ*, означая принадлежность, указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на качество мерзости. Оно

1) Biblischer Commentar über das A. T., Th. 3, B. 5, S. 309.

2) Христианское чтеніе. 1872, т. 2, стр. 131.

3) Христианъ Бенедиктъ Михаэлисъ, указавши главный недостатокъ перевода разсматриваемаго изреченія у Семидесяти и въ Вульгатѣ, продолжаетъ: „Умолчу о томъ, что причастіе *мешомемъ* переведено въ нихъ именемъ существительнымъ, что, впрочемъ, терпимѣе, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ причастныя формы принимаются какъ имена существительныя“. Op. cit., pag. 365.

показывасть, что свойство этой мерзости — производить опустошенія, что она или сама опустошаетъ, или неизбежно ведетъ къ заустѣнію; лучше сказать: она и сама опустошаетъ и навлекаетъ опустошеніе, разрушеніе, погибель.

Но какое изъ двухъ понятій, заключающихся въ этихъ двухъ словахъ, есть понятіе основное, главное, понятіе-ли мерзости, или понятіе заустѣнія?

И этотъ вопросъ рѣшается различно.

Извѣстный протестантскій толкователь Священнаго Писанія Новаго Завѣта Мейеръ, какъ въ изреченіи Іисуса Христа о мерзости заустѣнія, такъ и въ подобныхъ же изреченіяхъ книги Даниила, а также и въ соотвѣтственныхъ реченіяхъ Первой Маккавейской книги (1, 54; 6, 7), главнымъ понятіемъ признаетъ заустѣніе. Изъясняя евангельское изреченіе: τὸ βδέλυμα τῆς ἐρημώσεως, мерзость заустѣнія, онъ говоритъ: „родительный надежъ означаетъ то, въ чемъ собственно состоитъ *мерзость* (βδέλυμα) и такую именно изображаетъ; такъ что представленіе: „омерзительное заустѣніе“, выражено вмѣстѣ съ самостоятельнымъ обозначеніемъ качественного характера. Также и у Даниила ἐρημωσις есть главное понятіе“¹⁾. Такимъ образомъ, по мнѣнію Мейера, въ Евангеліяхъ и въ книгѣ пророка Даниила говорится собственно и преимущественно о заустѣніи, а слово мерзость только опредѣляетъ качество и силу заустѣнія, — говорится о заустѣніи ужасномъ, отвратительномъ, возбуждающемъ чувство омерзѣнія.

Но такое пониманіе словъ о мерзости заустѣнія не правильно. Оно не только не можетъ быть оправдано составомъ и смысломъ изреченій о мерзости заустѣнія, но и находить въ нихъ довольно явное опроверженіе. Такъ, Іисусъ Христосъ, ссылаясь на Даниила, говоритъ о мерзости заустѣнія, *стоящей* на святомъ мѣстѣ. Мерзостное, какъ и всякое вообще, заустѣніе не удобно назвать *стоящимъ*. Если бы въ этихъ словахъ была мысль о разрушеніи или о заустѣніи святаго мѣста, то тогда было бы сказано, что оно будетъ лежать въ развалинахъ, покроется развалинами, заустѣетъ и т. п. Но когда мерзость заустѣнія называется *стоящею* и когда, притомъ, это послѣд-

¹⁾ Kritisch-exegetischer Kommentar über d. N. T. Abth. I, Hälfte 1, S. 482—483.

нее слово относится къ слову *мерзость*, а не къ слову *запустѣнія*, то этимъ, съ одной стороны, мерзость представляется какъ нѣчто дѣйствующее, чего развалинамъ приписать нельзя, а съ другой, центръ тяжести рѣчи полагается въ мерзости, и она является главнымъ понятіемъ, а не второстепеннымъ, по отношенію къ понятію разрушенія.

Далѣе, по свидѣтельству книги Даниїла (11, 31), войско презрѣннаго царя *поставитъ* мерзость запусѣнія. Изъ связи рѣчи можно выводить, что здѣсь рѣчь о поставленіи мерзости запусѣнія въ храмѣ, на жертвенникѣ. Такъ, дѣйствительно, и было. „Презрѣнный“ — Антиохъ Епифанъ. По свидѣтельству Первой Маккавейской книги (1, 54), согласно его повелѣнію, *устроили* на жертвенникѣ мерзость запусѣнія. О запусѣніи нельзя сказать: *устроили*. Притомъ же, какъ видно изъ дальнѣйшей рѣчи этой книги, жертвенникъ не былъ разрушенъ, а только *оскверненъ* (4, 38. 45). Оскверненіе же состояло въ принесеніи идольскихъ жертвъ (1, 41—59 и 2 Макк. 6, 1—5).

Также и въ 12-й главѣ книги Даниїла (стихъ 11) говорится о *поставленіи* мерзости запусѣнія, а этимъ опять дается знать, что въ этой книгѣ мерзость запусѣнія означаетъ не развалины и не запусѣніе мерзкое, или вызывающее отвращеніе, а нѣчто особое отъ запусѣнія, хотя и связанное съ запусѣніемъ, и что понятіе мерзости есть главное и основное, а понятіе запусѣнія второстепенное. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ рѣчь не о запусѣніи мерзостномъ, а о мерзости, производящей запусѣніе, или ведущей къ запусѣнію, или же о мерзости опустошителя.

Но изреченія о мерзости запусѣнія у двухъ Евангелистовъ, въ 11-й и въ 12-й гл. книги Даниїла и въ Первой Маккавейской книгѣ совершенно аналогичны съ изреченіемъ о мерзости запусѣнія въ 9-й гл. книги Даниїла; а потому нѣтъ никакихъ основаній въ этомъ изреченіи находить совсѣмъ иной смыслъ, нежели въ тѣхъ.

Что же нужно разумѣть подъ мерзостію, производящею запусѣніе, или подъ мерзостію опустошающаго? Кто — опустошитель? Что означаетъ мерзость? Въ чемъ состоитъ производимое ею опустошеніе?

Изъ книги Даниїла и изъ Маккавейскихъ книгъ извѣстно, что мерзость запусѣнія была въ Иерусалимскомъ

храмъ во время гоненія на Иудею Антиоха Епифана; изъ книги же Даниїла и изъ Евангелій видно, что мерзость запустѣнія, стоящая на святомъ мѣстѣ, или гдѣ не должно, имѣла явиться опять, во времена будущія по отношенію ко времени земной жизни Іисуса Христа. Затѣмъ изъ святоотеческой и прочей богословской литературы намъ извѣстно, что мерзость запустѣнія богословы разныхъ вѣковъ находили въ гоненіи Антиоха Епифана, или же въ безнравственномъ, богопротивномъ и политически-несчастномъ состояніи Іудейскаго народа послѣ совершеннаго Іудеями христуубійства. А иные считали мерзостью запустѣнія или статуи римскихъ императоровъ Калигулы и Тита, которыя были вносимы въ Іерусалимскій храмъ, и конную статую императора Адриана, поставленную на развалинахъ храма; или римскихъ орловъ и другія языческія изображенія, которыя были внесены въ храмъ Пилатомъ, а при завоеваніи Іерусалима — воинами Тита; или римскія войска, вторгнувшіяся въ Иудею, потомъ въ Іерусалимъ и наконецъ въ храмъ, опустошившія Иудею, разорившія и осквернившія священный городъ и святыню его — храмъ; или языческое богослуженіе въ храмѣ Іерусалимскомъ и принесеніе языческихъ жертвъ на жертвенникѣ этого храма; или и іудейскія жертвы, но которыя уже потеряли свое значеніе послѣ принесенія всемірной жертвы на Голгоѣѣ и которыя были приносимы озлобленными противъ Христа и Его послѣдователей и утратившими истинную вѣру Іудеями; или, наконецъ, антихриста. Разнообразіе мнѣній чрезвычайное. Что же такое мерзость запустѣнія?

Чтобы правильнѣе понять и полнѣе опредѣлить смыслъ изреченія о мерзости запустѣнія, слѣдуетъ уяснить главное понятіе этого изреченія, — понятіе о мерзости; а достигнуть этого лучше всего можно чрезъ разсмотрѣніе того, какой смыслъ соединяется съ этимъ словомъ въ разныхъ книгахъ Ветхаго Заѣта.

Понятіе, обозначаемое въ русскомъ языкѣ словами: *мерзость*, *гнузность*, въ священннхъ книгахъ Ветхаго Заѣта выражается или словомъ *תועב* (*тоева*), или словомъ *שקצוץ* (*шккцуцъ*)¹⁾. Первое слово употребляется гораздо чаще, потому что имѣетъ гораздо больше значеній.

¹⁾ Рѣже употребляются *шккцуцъ* и *шекецъ*.

Оно означаетъ различныя нарушенія нравственнаго закона и злодѣянія, какъ гнусныя въ очахъ Божіихъ; напр., обвѣщиваніе (Притч. 11, 1; 20, 23), помышленія злыхъ (Притч. 15, 26), лживыя уста (Притч. 12, 22), прелюбодѣяніе и другія тяжкія и гнусныя чувственныя преступленія (Лев. 18, 22. 26. 29; Іезек. 22, 11). Это слово означаетъ и вообще порочное состояніе людей, а также и самихъ нечестивыхъ людей: предъ Господомъ есть мерзость (*тоева*) — путь нечестивыхъ (Притч. 15, 9), всякій надменный сердцемъ (Притч. 16, 5), развратный (Притч. 3, 32). Даже самыя жертвы, приносимыя людьми нечестивыми и лицемѣрами—мерзость (*тоева*) предъ Богомъ (Притч. 15, 8; Иса. 1, 13). Иногда *тоева* означаетъ вообще нечестіе, и нравственное, и религиозное вмѣстѣ (Іезек. 5, 9; 18, 13. 24; 22, 2; 33, 29; Іерем. 7. 10). Но чаще *тоева* означаетъ преступленія противъ закона вѣры, злодѣянія, возмущающія истинное религиозное чувство. Такъ, кощунникъ есть мерзость для людей (Притч. 24, 9); для Бога—мерзость, если Ему приносятъ въ жертву животное съ порокомъ (Второз. 17, 1), или жертвуютъ въ храмъ плату блудницъ и цѣну пса (Второз. 23, 18); мерзость есть лжеученіе или извращеніе закона Божія (Іерем. 8, 12). Особенно же часто, можно сказать — постоянно, *тоева* означаетъ язычество. Такъ, мерзостями называются постоянно языческіе боги и кумиры ихъ (Второз. 7, 25. 26; 27, 15; Іезек. 6, 9; 7, 4. 9. 20; 11, 18; 16, 36. 43). Столь же часто мерзостями называется служеніе языческимъ богамъ и идоламъ и вообще весь языческій культъ. Различныя отпращиванія языческихъ культовъ суть мерзости (*то-авотъ*), если ихъ совершаютъ языческіе народы. Для Бога мерзость то, что язычники дѣлаютъ своимъ богамъ (Второз. 20, 18): мерзость, если они приносятъ въ жертву сыновей и дочерей своихъ (Второзак. 12, 31), или проводятъ ихъ чрезъ огонь (Второз. 18, 9. 10); мерзость—ихъ прорицаніе, гаданіе, ворожба, чародѣйство, обаяніе, вызываніе духовъ, спрашиваніе мертвыхъ (Второз. 18, 9—12). Все вообще богослуженіе иноплеменныхъ народовъ есть мерзость (1 Ездр. 9, 1. 11), и сами народы эти — мерзость (1 Ездр. 9, 14). Мерзостями называются тѣ же языческіе боги и кумиры, когда имъ служили Евреи, и самое служеніе имъ

этого народа. Мерзость—золотыя и серебряныя изображенія боговъ, которыя дѣлали Іудеи (Іезек. 7, 20). Мерзости—идолы и всѣ вообще принадлежности языческихъ культовъ, которые были вводимы Израильтянами въ своей землѣ (Іез. 11, 18). Мерзость — поклоненіе Евреевъ богамъ, солнцу, лунѣ, звѣздамъ (Второз. 17, 4). Пророкъ Іезекіиль видѣлъ, какъ старѣйшины Израилевы въ храмѣ Божіемъ возносили куреніе предъ изображеніями пресмыкающихся и поганыхъ животныхъ и предъ идолами; это — мерзости. Онъ видѣлъ еще при входѣ въ храмъ плачь женъ по Фаммузѣ; и это—мерзость. Онъ видѣлъ также, что стояли люди между притворомъ и жертвенникомъ, спинами ко храму Господню, а лицами на востокъ, и кланялись на востокъ солнцу; и это—мерзость (Іез. 8, 6—17). Такими мерзостями осквернено святилище (Іезек. 5, 11; 2 Парал. 36, 14), осквернена и земля Божія (Іудея), и удѣлъ Божій сдѣланъ мерзостію (Іер. 2, 7). Сооруженіе Израильтянами капищъ Ваалу и сожиганіе ими сыповей и дочерей своихъ Молоху — мерзости (Іерем. 44, 22; Іез. 16, 1). Мерзостями называются и вообще всякое служеніе языческимъ богамъ со стороны Евреевъ (Второз. 13, 15; 3 Цар. 14, 24; Іерем. 44, 4. 22; Іез. 9, 4; 16, 50. 51. 58; 18, 12; 20, 4; 33, 26) и царей ихъ, напр., Манассіи (4 Цар. 21, 11; 2 Парал. 33, 2), Іоакима (2 Парал. 36, 8); а равно и всѣ предметы и принадлежности идолослуженія (2 Парал. 34, 33). Всѣ предметы языческаго культа, имѣвшіеся у Еврейскаго народа, и самый этотъ культъ, совершавшійся имъ, все это — мерзости, которыя не угодны были Богу (2 Парал. 33, 2), раздражали и прогнѣвляли Его (Второз. 32, 16), и неизбѣжно не только навлекали на этотъ народъ всевозможныя и величайшія бѣдствія, какъ это показала вся исторія его отъ начала до конца, но и поголовное истребленіе всѣхъ Евреевъ—идолопоклонниковъ, какъ это предсказано было пророку (Іезек. 8, 18 и 9 гл.) и оправдалось событіями.

Слово *шиккуцъ* отличается отъ слова *тоевъ* тѣмъ, что оно не означаетъ преступленій противъ нравственнаго закона, а означаетъ исключительно извращенія религіознаго увства и преступленія противъ религіи, предметы языческаго богослуженія и самое это богослуженіе; т. е., это

слово означаетъ исключительно то, что *тоева* означаетъ преимущественно. Подобно *тоева* слово *шиккуцъ* почти постоянно употребляется во множественномъ числѣ, и оба слова по русски обозначаются одинаково словомъ: *мерзости, или гнусности*. Такъ, Моисей говоритъ Евреямъ о народахъ языческихъ: вы *видѣли мерзости ихъ (шиккуцейгемъ) и кумиры ихъ* (Второз. 29, 17). Здѣсь словомъ мерзости обозначены, повидимому, всѣ вообще принадлежности и особенности языческихъ культовъ, отличавшія послѣдніе отъ служенія Евреевъ истинному Богу. Въ Четвертой книгѣ Царствъ сказано, что всѣ мерзости (*гаишиккюцимъ*) истребилъ царь Іосія (23, 24), а изъ предшествующей рѣчи видно, въ чемъ состояли эти мерзости. Это—*вещи, сдѣланныя для Ваала и для Астарты и для всего воинства небснаго*, находившіяся въ храмѣ Божіемъ (23, 4); помѣщавшійся тамъ же идолъ Астарты (23, 6); *дома блудилищныя, которые были при храмѣ Господнемъ, гдѣ женщины ткали одежды для Астарты* (23, 7); *высоты, на которыхъ совершали куренія жрецы* (23, 8); мѣста, гдѣ Евреи проводили своихъ сыновей и дочерей чрезъ огонь Молоху (23, 10); кони, которыхъ ставили цари Іудейскіе солнцу *предъ входомъ въ домъ Господень и колесницы солнца* (23, 11); *жертвенники на кровль горницы Ахазовой, и жертвенники, которые сдѣлалъ Манассія на обнѣихъ дворахъ дома Господня* (23, 12); *высоты, которыя устроилъ Соломонъ... Астартѣ, мерзости (шиккюцъ) Сидонской, и Хамосу, мерзости Моавитской, и Милхому, мерзости Аммонитской; статуи и посвященные богамъ дубравы* (23, 14); *жертвенникъ, который въ Веоиль, и высота, устроенная Геровамомъ* (23, 15); *всѣ капища высотъ въ городахъ Самарійскихъ, которыя построили цари Израильскіе* (23, 19); *жрецы высотъ, которые кадили Ваалу, солнцу и лунѣ, и созвѣдїямъ, и всему воинству небсному* (23, 5. 20); *вызыватели мертвыхъ, и волшебники, и терафімы, и идолы* (23, 24).—Тѣ же значенія имѣетъ слово *шиккуцимъ* и въ пророческихъ книгахъ. Такъ, у пророка Іереми (16, 18) этимъ словомъ обозначены вообще языческіе культы, внесенные въ землю Израилеву и осквернившіе наслѣдіе Божіе. У того же пророка это слово означаетъ служеніе языче-

скимъ богамъ, соединявшееся съ любодѣйствомъ (13, 27). У пророка Іезекіиля этимъ словомъ обозначаются идолы, сдѣланные изъ золота, или изъ серебра (7, 20), и вообще предметы языческаго богослуженія (5, 11; 11, 18. 21; 20, 7. 8), а также и самое идолослуженіе (37, 23). У пророка Исаи словомъ *шекецъ* называются идоложертвенныя яства (66, 17). Пословамъ пророка Осіи, Израильтяне *пошли къ Ваал-Фегору и предались постыдному, и сами стали мерзкими (шиккуцимъ), какъ тѣ, которыхъ возлюбили* (9, 10). У пророка Наума (3, 6) *шиккуцимъ* означаетъ идоловъ и вообще предметы языческаго богослуженія. Идолы и всѣ предметы языческихъ культовъ, а равно и само языческое богослуженіе съ его совершителями и поклонниками, означаемые словомъ *шиккуцимъ*, оскверняютъ людей (Осія 9, 10), землю избраннаго народа (Перем. 2, 7), святилище и вообще храмъ Господень (4 Цар. 23, 4. 6. 7; Іез. 5, 11).

Словоупотребленіе *шиккуцъ*, *шиккуцимъ* показываетъ, что это слово, какъ въ древнѣйшихъ, такъ и въ позднѣйшихъ, какъ въ историческихъ, такъ и въ пророческихъ книгахъ Ветхаго Заветъа, означаетъ предметы, состоянія и дѣйствія, относящіяся исключительно къ области религіи, но не къ области нравственной жизни и дѣятельности. Оно означаетъ извращенія религіознаго чувства и преступленія противъ законовъ истинной религіи ¹⁾; оно означаетъ также вещи, хотя сами по себѣ ничтожныя или безразличныя, но изъ которыхъ люди дѣлали дурное и даже гнусное въ отношеніи къ религіи употребленіе ²⁾; оно означаетъ, наконецъ, и самихъ людей, не служившихъ истинному Богу, или перестававшихъ служить Ему, а служившихъ идоламъ, и чрезъ то дѣлавшихся общниками бѣсовъ (1 Кор. 10, 20). Сказать подробнѣе—*шиккуцимъ* означаетъ: языческихъ боговъ и изображенія ихъ или идоловъ, языческіе храмы, жертвенники, священныя роши; жертвы, возліанія и куренія богамъ и ихъ идоламъ; служеніе небеснымъ свѣтиламъ и другимъ богамъ и идоламъ, состоявшее въ принесеніи жертвъ, иногда и человѣческихъ, въ куреніяхъ, поклоненіи, а иногда и въ

¹⁾ См. Римл. 1, 16—32.

²⁾ *Что же я говорю? То ли, что идолъ есть что нибудь, или идоложертвенное значитъ что нибудь? Нѣтъ, но, что язычники, принося жертвы, приносятъ бѣсамъ, а не Богу. 1 Кор. 10, 19, 29.*

любоудійствахъ; жрецовъ, заклинателей, чародѣевъ, вызывателей мертвецовъ и духовъ, прорицателей и т. п.; язычниковъ и тѣхъ изъ Іудеевъ, которые впадали въ язычество.

Важный выводъ изъ разсмотрѣнія употребленія слова *шиккуцимъ* въ разныхъ книгахъ Ветхаго Завета тотъ, что есть достаточное основаніе утверждать, что и въ пророчествѣ о седминахъ это слово означаетъ мерзость въ отношеніи собственно къ религіи, указываетъ на мерзость или гнусность религіозную, мерзость, состоящую въ гнусномъ нарушеніи религіознаго закона, оскорбляющую религіозное чувство и возбуждающую отвращеніе во всякомъ истинно-религіозномъ человѣкѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія, ни повода предполагать, что въ этомъ пророчествѣ это слово имѣетъ *существенно* иное значеніе, совершенно отличное отъ того значенія, какое придастся ему въ другихъ священныхъ книгахъ Ветхаго Завета. Скажемъ болѣе: въ самой книгѣ Даніила есть довольно ясныя указанія, что и въ ней слово *шиккуцъ* означаетъ мерзость въ отношеніи только къ религіи. Такъ, по общепринятому мнѣнію, въ 11-й гл. этой книги именемъ мерзости запусѣнія названа та мерзость, которая была произведена Антиохомъ Епифаномъ; а мерзость эта, какъ видно изъ этой же главы и изъ книгъ Маккавейскихъ (особенно 1 Макк. 1, 54), состояла въ принесеніи языческихъ жертвъ на жертвенникѣ, устроенномъ въ храмѣ Божіемъ для принесенія жертвъ истинному Богу, общѣ—въ попраніи и уничтоженіи истиннаго богопочитанія и въ поставленіи на мѣсто его идолослуженія. Такое же значеніе,—значеніе гнусности относительно религіи,—имѣетъ слово *шиккуцъ* и въ 9-й главѣ, въ пророчествѣ о седминахъ, равно какъ и въ 12-й главѣ. Не напрасно же, не безъ основанія большинство переводчиковъ и толкователей въ изреченіи о мерзости запусѣнія въ 9-й гл. паходятъ указаніе на храмъ, или святилище и подъ мерзостію запусѣнія разумѣютъ оскверненіе и опустошеніе именно храма, слѣдовательно, приписываютъ этой мерзости характеръ религіозный. Точно также и въ 12-й главѣ слова о *низложеніи силы народа святаго* и о *прекращеніи ежедневной жертвы* (стихи 7 и 11) даютъ видѣть въ словѣ *шиккуцъ* мерзость въ отношеніи къ религіи.

Употребленіе слова *шиккуцъ* въ книгахъ Ветхаго За-

вѣта дастъ также видѣть, что оно означаетъ предметы, весьма различныя, хотя и однородныя. Оно означало и языческихъ боговъ, и кумировъ, и языческія жертвенники, и высоты, и священные рощи, и яства идоложертвенныя, и всѣ вообще предметы, употреблявшіеся для языческихъ жертвъ и языческаго богослуженія; оно означало также и самое это богослуженіе и разныя виды его, а равно и гнусныя дѣйствія, съ которыми оно иногда соединялось, напр., принесеніе людей въ жертву и развратъ; означало также и людей, совершавшихъ языческое богослуженіе, не только жрецовъ, но и всѣхъ вообще поклонниковъ языческихъ боговъ; оно означало и тѣхъ людей, которые производили суевѣрныя дѣйствія, напр., волхвованіе въ разныхъ формахъ, прорицаніе, вызываніе мертвыхъ и духовъ, равно какъ и тѣхъ, которые прибѣгали къ волшебной помощи этихъ людей, или вѣрили въ ся силу; оно означало, наконецъ, и самыя эти дѣйствія или проявленія языческаго суевѣрія.

Подобнымъ образомъ широкое значеніе имѣетъ слово *шикуцъ* и въ пророчествѣ о седминахъ. Въ примѣненіи къ временамъ перваго пришествія Иисуса Христа оно означаетъ оскверненіе храма Иерусалимскаго самими Іудеями, а потомъ врагами ихъ—язычниками. Еще раньше христуубійства Іудеи такъ мало цѣнили свою святыню — храмъ Иерусалимскій, что сдѣлали его *домомъ торговли* (Іоан. 2, 16) и даже *вертепомъ разбойниковъ* (Мѡ. 21, 13; Марк. 11, 17; Лук. 19, 46). Іудеи временъ Христа хотя уже не служили чужимъ богамъ, но за то мало чтили и Бога отцовъ своихъ и были не лучше тѣхъ своихъ предковъ, которыхъ Богъ устами пророка Іереміи грозно обличалъ слѣдующими словами: *Какъ? вы кридете. убиваете и прелюбодѣйствуете, и клянетесь во лжи, и кидите Ваилу, и ходите во слѣдъ иныхъ боговъ, которыхъ вы не знаете, и потомъ приходите и становитесь предъ лицомъ Моимъ въ домъ семь, надъ которымъ наречено имя Мое, и говорите: мы спасены, чтобы впредъ дѣлать вся эти мерзости. Не содѣлался-ли вертепомъ разбойниковъ въ глазахъ вашихъ домъ сей, надъ которымъ наречено имя Мое. Вотъ, Я видѣлъ это, говоритъ Господь.* (Іерем., 7, 9—11). Видѣлъ это и Иисусъ Христосъ, и даже не однократно, и на эти-то слова и на слова пророка Ісаіи

(56, 7) Опъ и ссылается, сказавши: *написано: домъ Мой домою молитвы наречется; а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ*. Нравственный и религиозный упадокъ Иудеевъ былъ столь глубокъ, что многіе изъ нихъ, и даже сами служители религіи, первосвященники и священники, не заботились хотя бы наружно чтить единственную свою святыню; но, побуждаемые корыстолюбіемъ, позволяли домъ Божій превратить въ вертепъ разбойниковъ. Удивительно-ли, что ради наживы осквернявшіе храмъ Божій не почтили, а возненавидѣли Того, Кто былъ больше храма! Даже лучшіе изъ вождей народа, увѣровавшіе во Христа, *возлюбили больше славу человѣческую, нежели славу Божию*, и потому страшились открыто исповѣдывать свою вѣру въ Него, *чтобы не быть отлученными отъ синагоги* (Іоан. 12, 42. 43). А о прочихъ Евангелистѣ (Іоан. 12, 37—41) сказала: *Столько чудесъ сотворилъ Онъ (Христосъ) предъ ними; и они не вѣровали въ Него, да сбудется слово Исаи пророка: Господи! Кто повѣрилъ слышанному отъ насъ? и кому открылась мышца Господня?* (Исаи 53, 1). *Потому не могли они вѣровать, что, какъ еще сказалъ Исаи: народъ сей ослѣпилъ глаза свои, и окаменилъ сердце свое, да не видятъ глазами, и не уразумеютъ сердцемъ, и не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ* (Исаи 6, 10). Христоубійство было естественнымъ слѣдствіемъ безвѣрія и безправственности Иудеевъ и въ свою очередь еще болѣе ожесточило ихъ сердца, отторгло ихъ отъ Бога окончательно. Хотя смерть Христа и послѣдовавшіе за нею подвиги проповѣди апостольской лучшихъ изъ Иудеевъ сдѣлали христіанами; но худшіе изъ Иудеевъ со смертію Христа стали еще хуже. Результатомъ отпаденія Иудеевъ отъ истинной вѣры въ Бога было оскверненіе, опустошеніе и совершенное уничтоженіе храма Іерусалимскаго язычниками. Съ концомъ ветхаго завѣта и съ началомъ новаго ветхозавѣтный храмъ и самъ по себѣ утратилъ свое прежнее значеніе, сталъ не нуженъ, какъ объ этомъ сказалъ Іисусъ Христосъ женѣ Самарянокъ (Іоан. 4, 20—24), а подробно раскрылъ Апостоль Павелъ въ Посланіи къ Евреямъ (Гл. 7—10). Но иное дѣло—утратить значеніе, иное—подвергнуться оскверненію и уничтоженію. Ветхозавѣтное богослуженіе было прекращено и замѣнено новозавѣтнымъ, луч-

нимъ, богопочтеніемъ — это совершилось по устроению Божію, силою Его всемогущей и благой воли. Но что, служившій для отправленія ветхозавѣтнаго богослуженія, храмъ Іерусалимскій былъ оскверненъ, опустошенъ и разрушенъ, это случилось не по желанію Божію, а по винѣ Іудеевъ; это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ ихъ ужасной испорченности и вмѣстѣ праведнымъ наказаніемъ Божіимъ за христоубійство и закоснѣлость въ невѣрїи во Христа. Они сами осквернили храмъ, а Римляне, назначенные провидѣніемъ для мщенія этому отверженному народу за его злодѣянїя, исполнили мѣру оскверненія храма до конца. Это оскверненіе храма Іудеями и язычниками, а потомъ и разрушеніе храма, и есть та мерзость запустѣнїя, о которой предсказано было въ пророчествѣ о седминахъ. Поставленія римскихъ орловъ и статуй императоровъ въ храмѣ Іерусалимскомъ были только частными проявленіями этой мерзости запустѣнїя, и слова пророчества нѣтъ нужды относить къ какому-либо единичному случаю, напр., къ факту внесенія Пилатомъ въ храмъ языческихъ изображеній. Пророчество не имѣетъ въ виду какого либо единичнаго случая оскверненія святыни, а предуказываетъ вообще на мерзость запустѣнїя въ храмѣ во времена Христа и послѣ Его смерти, разумѣя разнообразныя проявленія ея въ теченіе немалого времени, пока храмъ не былъ окончательно разрушенъ.

Въ примѣненїи къ послѣднимъ временамъ мерзость, предсказанная пророкомъ Даниломъ, есть оскверненіе святыни антихристомъ. По предсказанію Апостола Павла (2 Фессал. 2, 4), антихристъ сядетъ въ церкви Божіей, какъ Богъ, выдавая себя за Бога. Безъ сомнѣнїя, у антихриста не будетъ ни времени, ни охоты, ни возможности постоянно сидѣть въ храмѣ. Онъ будетъ это дѣлать только въ особенныхъ, торжественныхъ и важныхъ случаяхъ, напр., при провозглашенїи себя царемъ міра и Богомъ. Но ему и не нужно будетъ быть постоянно въ храмѣ. Сѣвши разъ въ храмѣ и объявивши себя Богомъ, онъ этимъ самымъ дѣйствіемъ подастъ знакъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отдастъ приказъ, чтобы во всѣхъ и на всѣхъ храмахъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, были поставлены его изображенія и чтобы люди поклонялись имъ, какъ ему самому, какъ изображе-

пріемъ Бога, и, дѣйствительно, въ храмахъ начнется служеніе антихристу, какъ Богу. Антихристъ, имѣющій сѣсть въ храмъ Божіемъ вмѣсто Бога; изображенія антихриста, которыя будутъ поставлены въ храмахъ; поклоненіе и почитаніе, которыя будутъ воздавать ему и его изображеніямъ, какъ Богу; соединенное съ этимъ оскверненіе, поруганіе, попраніе и уничтоженіе святыни, а именно: изображеній Бога, Христа и святыхъ, мощей святыхъ и вообще всѣхъ принадлежностей религіи,—это и будетъ мерзость, стоящая, гдѣ не должно, стоящая на святомъ мѣстѣ.

Важное отличіе изреченій книги Даниила о мерзости отъ всѣхъ другихъ мѣстъ Ветхаго Завѣта, въ которыхъ говорится также о мерзости, заключается въ прибавленіи слова: *запустынія*, или *опустошающаго*. Впрочемъ сущность понятія о мерзости отъ этого прибавленія не измѣняется. Слово *запустыніе*, или *опустошающій*, по нашему мнѣнію, только усиливаетъ понятіе мерзости и точнѣе опредѣляетъ ее, указывая или на производящее ее лицо, или на производимые ею результаты, или на то и на другое вмѣстѣ. Объяснимъ это.

II въ другихъ мѣстахъ Писанія, гдѣ рѣчь идетъ о мерзости язычества, послѣдняя представляется разрушительною. Эта мерзость раздражала и прогнѣвляла Бога (Второз. 32, 16) и навлекала на народъ Іудейскій ужасное мщеніе Божіе (Второз. 29 и 30 гл.; Іерем. 13 гл.; Іезек. 8, 9, 36 гл. и многія другія мѣста Ветхаго Завѣта), проявлявшееся въ разныхъ стихійныхъ бѣдствіяхъ, въ пораженіяхъ, которыя Іудеи терпѣли отъ языческихъ народовъ, въ тяжкомъ игѣ рабства и плѣненія, которымъ Іудеи не разъ подвергались, въ разсѣяніи среди другихъ народовъ и почти въ поголовномъ истребленіи. Она оскверняла храмъ Божій (4 Цар. 23 гл.; Іезек. 5, 11) и всю землю Іудейскую (Іерем. 2, 7). Она способствовала и нравственному развращенію Іудейскаго народа; потому что языческое богослуженіе часто соединялось съ безчеловѣчными человѣческими жертвами и съ любодѣйствомъ (Іерем. 13, 27; 32, 35). Она давала поводъ язычникамъ насмѣхаться надъ истиннымъ Богомъ, народъ Котораго не былъ вѣренъ Ему, жилъ нечестиво и за это былъ изгнанъ изъ своей земли. *Постоянно, всякій день имя Мое безславится* (Исаи

52, 5). *Обезславили святое имя Мое, потому что о нихъ говорятъ: „они—народъ Господа и вышли изъ земли Его“* (Иез. 36, 20; ср. Римл. 2, 22—24). Эта мерзость упраздняла истинное богопочитаніе, на мѣсто истиннаго Бога поставляла боговъ ложныхъ, вмѣсто очистительнаго іудейскаго богослуженія вводила безнравственные культы и чрезъ нихъ вела къ распущенности нравовъ; она отторгала людей отъ Бога, лишала ихъ помощи Божіей, возжигала въ Богѣ гнѣвъ на увлекавшихся ею, подкапывала ихъ благоденствіе и счастье, ввергала ихъ въ неисчислимыя и самыя тяжкія бѣдствія, приводила ихъ къ гибели, и вмѣстѣ съ тѣмъ позорила все священное: имя Божіе, храмъ Божій, землю и народъ, составлявшіе удѣлъ Божій. Такъ ужасна и разрушительна была мерзость идолослуженія!

Тѣмъ не менѣе все-таки это была только низшая степень мерзости. Главное отличіе ея отъ мерзости, о которой говорится въ книгѣ Даниила и въ Евангеліи, въ томъ, что она не стояла на святомъ мѣстѣ. Хотя, по свидѣтельству 4-й книги Царствъ, во времена Іудейскихъ царей были поставлены языческіе жертвенники и идолы и совершалось идолослуженіе не только въ городахъ Іудейскихъ, также и въ окрестностяхъ близъ Іерусалима (23, 5. 8. 10. 13. 15), но и въ самомъ Іерусалимѣ (23, 12); хотя кони, посвященные солнцу, были поставлены *предъ входомъ въ домъ Господень* (23, 11); хотя Астарта и *вещи, сдѣланныя для Ваала и для Астарты и для всего воинства небеснаго*, были въ самомъ храмѣ Господнемъ (23, 4. 6), а при немъ были выстроены дома блудилищныя въ честь Астарты (23, 7); хотя Манассія сдѣлалъ на обоихъ дворахъ дома Господня и жертвенники, на которыхъ, конечно, приносились языческія жертвы (23, 12); хотя, какъ видно изъ книги пророка Іезекіиля (8 гл.), языческое богослуженіе Іудеями совершалось и въ наружномъ и во внутреннемъ дворѣ дома Господня, и здѣсь же стѣны были покрыты изображеніями нечистыхъ животных¹⁾ и идоловъ: но совершалось оно именно только во дворахъ храма, т. е., въ частяхъ храма, несравненно менѣе священныхъ, нежели святилище и святое святыхъ,—въ частяхъ, составлявшихъ

¹⁾ Разумѣются тѣ изъ нечистыхъ животныхъ, которыя у язычниковъ признавались священными, напр., змѣи, ящерицы, кошки и т. п.

только притворы для внутренняго или настоящаго храма. Безъ сомнѣнія, идолослуженіе и въ наружныхъ частяхъ храма оскверняло храмъ; но въ меньшей степени, нежели въ томъ случаѣ, если бы оно было совершаемо въ святилищѣ, или въ святомъ святыхъ. Писатель Четвертой книги Царствъ, описавши оскверненіе дома Господня идолами и идолослуженіемъ, выразительно замѣтилъ: *Впрочемъ жрецы высотъ не приносили жертвъ на жертвенникъ Господнемъ въ Иерусалимъ, опрѣсноки же ѣли вмѣстѣ съ братьями своими* (23, 9). Быть можетъ, опасеніе возбудить негодованіе и возмущеніе въ поклонникахъ истиннаго Бога, или же остатокъ вѣры въ Бога и таившійся въ глубинѣ души страхъ потерпѣть отъ Него наказаніе удерживали даже самыхъ нечестивыхъ царей отъ дерзкаго покушенія осквернить язычествомъ наиболѣе священныя части храма. Последнее предположеніе вѣроятнѣе. Замѣчаніе объ опрѣснокахъ показываетъ, что Іудеи, служившіе Ваалу, Астарѣ и другимъ языческимъ богамъ, и даже тѣ изъ нихъ, которые были жрецами этихъ культовъ, не переставали исполнять и нѣкоторые обряды іудейской религіи. Идолослуженіе не вытравляло до конца вѣры въ Бога Израилева, не искореняло уваженія къ религіи отцовъ. Это и понятно. Вѣдь Іудеи не дѣлались безбожниками; они только впадали въ язычество. А языческіе народы не отрицали бытія чужихъ боговъ; они только считали ихъ менѣе сильными въ сравненіи съ своими богами. Эту точку зрѣнія усвоивали и Іудеи: служа чужимъ богамъ, они не совсѣмъ отвергали свою религію и своего Бога. Еще менѣе они могли дерзнуть поносить Бога отцовъ своихъ и отечественную религію, или явно враждовать противъ Бога и намѣренно истреблять вѣру въ Него. Такой характеръ нерѣшительнаго отступленія Іудеевъ отъ Бога истиннаго при служеніи ихъ языческимъ богамъ точно выраженъ въ слѣдующихъ словахъ Третьей Книги Царствъ: *И подошелъ Илія ко всему народу и сказалъ: долго-ли вамъ хромать на оба колѣна? Если Господь есть Богъ, то послѣдуйте Ему; а если Ваалъ, то ему послѣдуйте. И не отвѣчалъ народъ ему ни слова* (18, 21). Не забудемъ, что это было въ царствѣ Израильскомъ, которое, не имѣя храма, скорѣе, и глубже погрузилось въ язычество, нежели царство Іудей-

ское,—было, притомъ, во времена владычества природной и фанатичной язычницы Исавели, имѣвшей большое вліяніе на мужа своего Ахава и вмѣшивавшейся въ дѣла царскаго правленія. Нерѣшительность, такъ сказать, половинчатость отпаденія Евреевъ отъ Бога обнаруживалась и въ томъ, что хотя они легко увлекались язычествомъ, но довольно легко, при перемѣнѣ обстоятельствъ, и отрѣшались отъ него, возвращаясь къ вѣрѣ отцовъ своихъ. Вотъ почему ихъ идолослуженіе было мерзостію низшей степени.

Болѣе ужасна и разрушительна та мерзость, которая поставляется на святомъ мѣстѣ, и притомъ поставляется нагло, дерзко, по ненависти къ святому мѣсту и съ цѣлію осквернить его. Храмъ Божій превращаютъ въ капище и въ притонъ разврата; на жертвенникѣ приносятъ жертвы идоламъ; подвергаютъ поруганію, оскверняютъ и уничтожаютъ священныя вещи, или же превращаютъ ихъ въ принадлежности языческаго богослуженія; издѣваются надъ именемъ Божиимъ; изгоняютъ служеніе истинному Богу изъ храма и отсюда, гдѣ бы его ни встрѣтили; преслѣдуютъ поклонниковъ истиннаго Бога, огнемъ и мечемъ принуждая ихъ отступиться отъ Него. Все это было въ гоненіе Антіоха Епифана, и потому то внесенное имъ въ Іудею, въ Іерусалимъ и въ самый храмъ язычество, соединявшееся съ дерзкимъ поруганіемъ религіи Іудейской и съ жестокимъ гоненіемъ на поклонниковъ ея, названо мерзостію заупустѣнія въ 11-й гл. книги Даниила и въ 1-й главѣ Первой Маккавейской книги. Нѣчто подобное въ Іудеѣ было по смерти Христа, при завоеваніи Іудеи и при разрушеніи Іерусалима Римлянами, хотя при этомъ побужденіемъ къ оскверненію и опустошенію служила не столько религіозная вражда Римлянъ къ Іудеямъ, сколько національная рознь, политическій расчетъ и въ особенности наклонность къ разрушенію, всяческимъ насиліямъ и кровопролитію, которыя страшно усиливаются во время ожесточенныхъ войнъ.

Однако и это еще не высшая степень мерзости заупустѣнія. Въ идолослуженіи не отрицается по крайней мѣрѣ самая идея Божества, признается также идея святаго и нравственно-должнаго Бога, или боговъ, священное, религію, нравственность, идолопоклонники не только признаютъ существующими, но и достойными почтенія. Язычество есть

извращеніе богопознанія и богопочитанія и понятій о добродѣтели, а не отрицаніе ихъ. Язычникъ самымъ фактомъ своего идолопоклонства утверждаетъ и подтверждаетъ то, что Богъ существуетъ, что онъ вѣруетъ въ Бога, признаетъ Его существомъ высокимъ, что онъ обязанъ поклоняться Ему, что онъ грѣховенъ и виновенъ предъ Нимъ, а долженъ быть чистымъ и потому долженъ просить Его о прощениі, умолять Его. Самая вражда язычника къ другимъ религіямъ и кровавая ненависть къ поклонникамъ ихъ, если она иногда и проявлялась, есть отчасти выраженіе его ревности къ своей религіи, къ своимъ богамъ, хотя фанатичное и безразсудное. Такой безумный фанатизмъ проявляютъ напр. послѣдователи лжепророка Мохаммеда ¹⁾.

Гораздо болѣе ужасно нужно признать ту мерзость запустѣнія, стоящую на святомъ мѣстѣ, когда отрицается всякая религія, безъ разбора—истинная-ли она, или ложная, отрицается бытіе Божества вообще, не признается самая идея Божества и отвергается все божественное, а вмѣстѣ отрицается и все святое, самая идея добра и святости; когда, далѣе, съ ненасытною яростію уничтожается все, напоминающее о Богѣ, или богахъ, о религіи, о богопознаніи и богопочитаніи, о святости и добродѣтели; когда оскверняются, попираются и уничтожаются священные предметы, подвергаются осмѣянію и поруганію святость и набожность, всѣми мѣрами вытравляется въ людяхъ вѣра въ Бога, а пребывающіе твердыми въ вѣрѣ предаются на мученія и смерть; когда все святое, священное и божественное не только отрицается, но и подвергается открытому и дерзкому поруганію; когда, наконецъ, является человѣкъ, который отвергаетъ Бога, Христа и всѣ религіи, всенародно хулитъ Бога и все священное, объявляетъ себя Богомъ и только себѣ одному требуетъ божескаго почитанія, мучаетъ, казнить и истребляетъ всѣхъ, не желающихъ отказаться отъ своей религіи и не признающихъ его Богомъ, попираетъ законы Божескіе и человѣческіе и поставляетъ на мѣсто ихъ свой произволь, — произволь богоборца и человѣконенавистника, искореняетъ добро и сѣетъ зло, утверждая его, какъ норму жизни, усиливается людей,

¹⁾ Мохаммеданство—не изычество, однако и не истинная религія.

созданныхъ по образу и подобію Божію, сдѣлать звѣроподобными, искореняя въ нихъ вѣру въ Бога, благоговѣніе къ божественному и святому, уваженіе къ закону, страхъ суда Божія, любовь къ людямъ, стремленіе къ совершенству и все человѣчное, а съ другой стороны, поощряя въ нихъ всяческія проявленія зла, давая просторъ инстинктамъ чувственности, жестокости, ненависти, вражды, мстительности, разнуздывая всѣ страсти, одобряя и награждая злодѣянія и все направляя къ разрушенію; когда, однимъ словомъ, могущество діавола и царство зла усиливаются до такой степени, что покушаются разрушить и поглотить царство Божіе на землѣ, подорвать существующій строй жизни, истребить добро и благо, изгнать изъ міра Бога и водворить въ мірѣ діавольское царство зла, разрушенія и смерти. Вотъ высочайшая степень, до какой только можетъ дойти мерзость запустѣнія! Высочайшую степень мерзости представляетъ демоническое начало зла, — начало боговраждебное, самообоготворяющее и все разрушающее. Это начало совмѣщается въ діаволѣ и его царствѣ. Враждуя противъ Бога и Его царства, оно портитъ дѣло рукъ Божіихъ: убиваетъ жизнь, разрушаетъ бытіе, уничтожаетъ счастье живущаго, виѣдряетъ на мѣсто богопочтенія боговраждебность, святость подавляетъ грѣхомъ, оскверняетъ и понижаетъ святыню и губитъ почитателей ея. Это начало дѣйствуетъ въ мірѣ постоянно въ разныхъ видахъ и формахъ. Иногда, въ благопріятныя для его дѣйствованія эпохи, оно какъ бы покушалось смести съ земли все божественное и святое, все ниспровергнуть и разрушить. Эти злосчастныя эпохи, когда на самомъ дѣлѣ мерзость запустѣнія стояла на святомъ мѣстѣ, предъизображаютъ то, еще болѣе ужасное, время, которое будетъ предъ кончиною міра, — время антихриста. Антихристъ и его царство будутъ величайшею безъ всякаго сравненія мерзостію, какая только можетъ быть на землѣ, а видимыми знаками этой богопротивной, демонской мерзости будутъ изображенія антихриста, знаки и число его имени. Эта мерзость будетъ разрушительна до крайней степени. Поставивши цѣлю губить до конца, антихристъ и его приверженцы множество людей доведутъ до духовной, вѣчной гибели, а другое множество лишатъ временной жизни; но и сами погибнуть. Можно-ли

вообразить болѣе ужасное опустошеніе и болѣе мерзкое оскверненіе святыни, какъ то, что человѣкъ, вмѣщающій всю силу зла, имѣющій въ себѣ діавола, боговраждебный и богохульный, себя обоготворяющій и все святое попирающій и истребляющій, сядетъ въ храмъ Божию и наполнитъ храмы своими идолами, потребуесть отъ людей одному себѣ божескаго поклоненія, объявитъ себя Богомъ и вѣщаетъ быть даже выше Бога?

Наконецъ, и послѣднія слова пророчества о седминахъ содержатъ указаніе на послѣднія времена. Слова эти: *и окончательная и предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя*, не легко примѣнить къ ковцу ветхаго и къ началу новаго завѣта. Въ то время не было такого опустошителя, который подвергся бы заранѣе предопредѣленной и окончательной гибели и который былъ бы столь важенъ, что о немъ задолго было бы предвозвѣщено вмѣстѣ съ другими великими событіями. Нельзя въ этомъ опустошителѣ видѣть ни Веспасіана, ни Тита, ни Адриана. Эти цезари были изъ числа лучшихъ римскихъ императоровъ. Правда, они разгромили Іудею, разрушили Іерусалимъ и храмъ его, разсѣяли Іудеевъ по лицу земли; но они произвели такое страшное разрушеніе по необходимости. Іудея составляла часть ихъ собственной имперіи и стали-ли бы они разорять ее и истреблять ея жителей, если бы не были вынуждаемы къ тому частыми и упорными бунтами Іудеевъ? Должно прибавить, что всѣ три упомянутые императора умерли естественною смертію, а это счастье было удѣломъ далеко не всѣхъ римскихъ цезарей. Веспасіанъ умеръ отъ старости, на семидесятомъ году жизни. Въ правленіе этого прекраснаго человѣка и хорошаго государя Римская имперія отдохнула отъ тяжкихъ страданій, которыя она терпѣла при жестокихъ предшественникахъ Веспасіана. Сынъ Веспасіана Титъ умеръ отъ горячки, хотя, впрочемъ, ходили слухи, что во время болѣзни смерть ему была причинена насильственно. Смерть его оплакалъ весь народъ римскій. Адрианъ былъ не безупреченъ какъ человѣкъ, но для народа онъ былъ хорошимъ государемъ. Правда, счастливъ онъ не былъ, потому что тяжкая и неисцѣлимая болѣзнь въ теченіе многихъ лѣтъ доставляла ему столь ужасныя страданія, что онъ не разъ покушался на самоубійство, но все-таки умеръ не насильственною смертію.

Римляне были орудіями карающей десницы Божіей, которую Іудеи сами навели на себя богоубійствомъ, невѣріемъ, нечестіемъ и ожесточеніемъ.

Но не разумѣется-ли подь опустошителемъ самъ Іудейскій народъ? Нѣтъ! хотя своимъ нечестіемъ и нравственнымъ растлѣніемъ, христуубійствомъ, ожесточеніемъ въ невѣріи и кровавымъ гоненіемъ противъ христіанъ онъ довелъ свое отечество и себя самого до гибели; но всетаки не своими руками разорилъ онъ его. Правда, во время Іудейской войны среди Іудеевъ вспыхнула междоусобная брань, но она только усугубила бѣдствія этого несчастнаго народа, а не была главной причиной опустошенія Іудеи, Іерусалима и храма. Онъ домогался возвратить себѣ политическую независимость, спасти отечество отъ иноземнаго ига, слѣдовательно, дѣйствовалъ въ цѣляхъ пользы его; но, вопреки своимъ расчетамъ, навлекъ на него окончательную гибель, и самъ подвергся страшному разгрому. Внутреннія причины разгрома, конечно, лежали въ самомъ народѣ; но не самъ онъ былъ карателемъ и опустошителемъ своего отечества и себя самого.

Можно было бы въ этомъ опустошителѣ видѣть Антиоха Епифана, этого злѣйшаго врага и опустошителя Ветхозавѣтной Церкви, подвергшагося ужасной болѣзни и мучительной смерти. Но по многимъ, вполне достаточнымъ, основаніямъ въ пророчествѣ о седминахъ, и въ частности въ предсказаніи о семидесятой седмицѣ, нельзя видѣть указанія на Антиоха Епифана и на произведенное имъ опустошеніе въ Іудеѣ.

Правда, иные переводчики и толкователи Писанія въ разсматриваемомъ мѣстѣ находятъ указаніе не на опустошителя, а на запустѣніе, которому вскорѣ послѣ смерти Іисуса Христа подверглись Іерусалимъ, храмъ и вся Іудея и которое пребудетъ до конца. Такъ, LXX перевели это мѣсто слѣдующимъ образомъ: *Καὶ ἔως τῆς συντελείας καιρῶν συντέλεια δοθήσεται ἐπὶ τὴν ἐρήμωσιν.* Буквальный славянскій переводъ этого греческаго перевода таковъ: *и даже до скончанія времеи скончаніе дастся на опустыніе.* Этотъ греческій переводъ не правиленъ, тѣмъ и не понятенъ; но всетаки въ немъ выражена та мысль, что запустѣніе святилица, о чемъ сказано въ предшествующемъ стихѣ,

пробудеть до опредѣленнаго и притомъ послѣдняго времени.

Такой же смыслъ приданъ этому мѣсту и въ Вульгатѣ, гдѣ оно переведено яснѣе и понятнѣе, нежели у Семидесяти, но не буквально. *Et usque ad consummationem et finem perseverabit desolatio: и даже до исполненія (завершенія) и конца пробудеть заустыніе.* Слова: *consummationem et finem*, означаютъ конецъ міра, ¹⁾ который настанетъ въ опредѣленное время, по исполненіи временъ. Указаніе не на опустошителя, а на опустошенное находится въ этомъ мѣстѣ Макарій, Алтайскій миссіонеръ, какъ это видно изъ его перевода: *и до исполненія предназначенной мѣры гнѣвъ будетъ литься на опустошенное.*

Другіе переводчики и толкователи въ словѣ *רָשָׁע*, (шомемъ), поставленномъ въ рассматриваемомъ изреченіи, предпочитаютъ находить указаніе не на состояніе заустынія, а на лице, произведшее опустошеніе, на опустошителя. Такъ, по мнѣнію современнаго протестантскаго толкователя Ветхаго Завѣта Кеиль *רָשָׁע* не должно отождествлять съ *רָשָׁע* (*мешомемъ*). Первое будто бы имѣетъ значеніе дѣйствія, не переходящаго на другой предметъ, значеніе страдательное; оно значитъ: опустошаемое, опустошаемый; второе имѣетъ значеніе дѣйствительное, значитъ: опустошающій, опустошитель. Тѣмъ не менѣе и по его мнѣнію оба эти слова, поставленные въ 27-мъ стихѣ, относятся къ слову *רָשָׁע* (*нагидъ*), вождь, князь, царь; но только съ тѣмъ различіемъ, что этотъ боговраждебный вождь, который пройдетъ чрезъ городъ и святилище какъ опустошитель, самъ будетъ уничтоженъ чрезъ то, что погибель его, безповоротно опредѣленная Богомъ, постигнетъ его какъ потопъ ²⁾. Говоря иначе: хотя Кеиль слово *шомемъ* предпочитаетъ переводить словомъ: опустошаемый, опустошенный, но разумѣетъ подъ этимъ не городъ и святилище, подвергшіеся опустошенію, не заустыніе, или развалины ихъ, а то лице, которое опустошило ихъ и которое за это само предназначено къ

¹⁾ Mygne. P. C. C., Ser. lat. pr., f. XXV, col. 552. S. Hieronymi Comment. in Danielelem.

²⁾ Keil und Delitzsch—Biblischer Commentar über das Alte Testament. Dritter Theil: Prophetische Bücher. Band 5: der Prophet Daniel. 1869. S. 310—311.

погибли. Этотъ опустошитель, который самъ подвергнется уничтоженію, по мнѣнію Ксиля, есть антихристъ.

Другіе гебраисты не находятъ между *шомемъ* и *мешомемъ* указываемаго Кеилемъ различія ¹⁾ и поставленное въ разсматриваемомъ мѣстѣ *шомемъ* переводятъ словомъ: *опустотитель*. Такъ, въ русскомъ Синодскомъ переводѣ разсматривасмое мѣсто имѣеть слѣдующій видъ: *И окончательная предопредѣленная гибель постигнетъ опустошителя*. Протоіерей Павскій перевелъ это мѣсто такъ: *И наконецъ окончательная гибель прольется и на самого опустошителя* ²⁾. Но сообразно съ своимъ взглядомъ на седмины подъ опустошителемъ онъ разумѣетъ не антихриста, а прообразъ его — Антіоха Епифана. Въ вышеупомянутомъ новомъ изданіи англійской Библии (Оксфордъ 1886 г.) въ текстѣ обсуждаемаго мѣста поставлено: *the desolator* (опустошитель), а на полѣ: *of, desolate* (опустошенное) ³⁾.

Такимъ образомъ между тѣмъ какъ одни переводчики и толкователи въ этомъ изреченіи находятъ указаніе на постоянное, имѣющее продолжиться до конца міра запустѣніе Іерусалима, предопредѣленное Богомъ, или на постоянство гнѣва Божія, который будетъ изливаться на опустошенное мѣсто до назначеннаго времени; другіе видятъ здѣсь предсказаніе о гибели опустошителя, имѣющей постигнуть его въ назначенное время, въ концѣ временъ.

Должно признать, что смыслъ этого мѣста не ясенъ, для перевода оно крайне трудно, и переводы его чрезвычайно различны. Каждое слово этого мѣста переводится однимъ такъ, другимъ иначе. Въ частности и слово *шомемъ* понимается и переводится различно. Но всетаки наиболѣе авторитетные переводчики находятъ въ этомъ словѣ понятіе объ опустошителѣ, въ которомъ одни видятъ Антіоха Епифана, другіе — антихриста.

Но во время смерти Антіоха седмины еще не кончились, семидесятая седмина не наступала. Поэтому мы находимъ

¹⁾ Такъ, въ русскомъ Синодскомъ переводѣ *шомемъ* въ 9, 27 переведено: *опустошителя*, а въ 12, 11 — словомъ: *запустѣнія*; *мешомемъ* какъ въ 9, 27, такъ и въ 11, 31 переведено словомъ: *запустѣнія*.

²⁾ Христіанское Чтеніе. 1872 г., ч. 2, стр. 131.

³⁾ Еврейскія слова: *шомемъ* въ 12, 11 и *мешомемъ* въ 9, 27 и въ 11, 31, переведены одинаково словомъ *desolate*.

въ этомъ мѣстѣ указаніе на антихриста. Онъ—величайшій опустошитель и губитель всего святаго и божественнаго; а Антиохъ Епифанъ былъ только прообразомъ его. Мгновенная и ужасная гибель этого всемірнаго опустошителя предопредѣлена Богомъ и предсказана за многія тысячи лѣтъ пророками и апостолами (Дан. 11, 45; 2 Тессал. 2, 8; Апокал. 13, 10; 17, 8; 19, 20; 20, 10). Но смотря на всемірное владычество свое и безмѣрное могущество, онъ погибнетъ неизбежно и окончательно, и никто не можетъ избавить его отъ гибели, ни даже отсрочить ее. *Онъ придетъ къ своему концу, и никто не поможетъ ему* (Дан. 11, 45).

Александръ Вьллевъ.
